

18 Александр Саблин

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Александр Саблин
Вредные привычки

«Издательские решения»

Саблин А.

Вредные привычки / А. Саблин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513770-8

Если в боевике «Сегодня я вам не понравлюсь» рассказывается о секретном сотруднике, то в детективе «Отдай ей всё» речь пойдёт об исчезновении, розыске, убийствах и о взвалившем все эти «прелести» на собственный «горб» сыщике. Но несмотря на то, что иногда из-за своего характера главному герою приходится менять «конторы», основным развлечением в его жизни был и остаётся поиск истины. Для начала XXI века, наверное, действительно не самое удобное качество.

ISBN 978-5-00-513770-8

© Саблин А.

© Издательские решения

Содержание

Сегодня я вам не понравлюсь	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	27
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вредные привычки

Александр Саблин

Корректор Анна Баскаева

Дизайнер обложки Александр Грохотов

© Александр Саблин, 2020

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3770-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сегодня я вам не понравлюсь (Вар. А)

Глава первая

Когда я заехал на автостоянку, электронные часы на фронтоне железнодорожного вокзала показывали восемнадцать часов тридцать пять минут. Я припарковал разгорячённую «Волгу» рядом с ухоженным «мерседесом» и пересчитал в кошельке собранную за день наличность. Выручка была ниже средней. Впрочем, на цветы и выпивку хватало с лихвой. Я поднял стекла, включил противоугонное устройство и выбрался на горячий асфальт.

Напротив «мерседеса», на уютной скамейке с металлическим остовом, покачивая длинной ногой, примостилась смазливая брюнетка в красной кофточке. Черная блестящая юбчонка едва прикрывает трусики. Одета на треть, а вид между тем неприступный. У ног небольшой жёлтый чемодан на колёсиках. Смотрит куда угодно, но только не на стоящего перед ней мужчину в широких светозащитных очках. Мужчина такое к себе отношение явно не одобряет. На нем белая рубашка, белые брюки и такого же цвета туфли. Лицо жёсткое, глянцевого, а вот волосы мягкие и редкие, словно у грудного ребёнка. Пытается доказать, как он ей нужен. Что ж, попытка не пытка.

Я миновал влюблённую парочку и нырнул в жидкую тень клёнов. Густой, пропахший запахами шашлыка воздух сотрясали короткие звонки подъезжающих к остановке трамваев. На клёны было жалко смотреть: вместо листьев свернувшиеся от жары темно-зелёные лоскуты. Впрочем, мой видок едва ли был лучше: трёхдневная щетина, потом пропахшая рубаха, выцветшие джинсы и некогда приличные, а теперь изрядно потрёпанные кроссовки. В общем, вид человека, к которому с личными просьбами лучше не обращаться.

Я свернул на тротуар, дошёл до привокзальной площади и остановился у киосков. Витринное изобилие выглядело удручающе однообразным. На Западе о такой возможности избавиться от залежалых товаров, наверное, и не мечтали. Хотя упаковка выглядела отлично. Судя по количеству выставленного в витринах спиртного, страстью к алкоголю в России страдали даже члены общества трезвенников. Попивая сок, я прошёлся вдоль киосков. Разница в ценах не обманывала: в среднем для кармана хозяина она держалась на одном уровне. Я купил пару бутылок красного полусладкого, коробку конфет, пучок гладиолусов и вернулся к машине.

Тип в темных очках все ещё уговаривал женщину, только теперь гораздо энергичнее. На мои шаги он даже не обернулся, хотя то, что он говорил, явно не предназначалось для моих ушей. Похоже, он считал, что после словесной канонады кроме него и застывшей на скамейке женщины в мире смогли уцелеть лишь камни. Непечатный словарный запас вырывался из его уст, словно поток нечистот из канализационной трубы. Плающее лицо женщины только подхлестывало его. Самостоятельно он уже вряд ли мог остановиться. Малый был основательный. Этой его основательности я поначалу и недооценил.

Тип отреагировал на моё замечание молниеносно и со знанием дела. То, что моя голова оказалась в это время в другом месте, являлось делом случая. Правда, извиниться перед ним за такую оплошность я так и не успел, ибо после такого удара мой интеллектуальный центр должен был оторваться от туловища, пролететь над вечерней площадью и найти успокоение где-нибудь среди горячо любимых голландцами тюльпанов. Но, видимо, мужчина ошибся, и я оценил свою голову все же несколько выше, чем ничего не подозревающие голландцы свой национальный символ.

Я нырнул под руку мастера художественного слова и левым боковым отправил в нокаут, как оказалось глубокий. Обмен любезностями занял не больше пары секунд. Цветы, вино и конфеты по-прежнему оставались у меня. Увы, но такой сценарий знакомства с Чугуновым в мои планы не входил. Операция, которая готовилась четыре долгих месяца, кажется, бездарно завершилась в один момент. Я поставил пакет на лавочку и потёр ушибленную руку.

Из «мерседеса» выбрался широкоплечий водитель и, поигрывая милицейской дубинкой, направился ко мне. Даже если бы ему удалось уложить меня рядом с Чугуновым, это уже мало что меняло. Но он сумел лишь размахнуться, после чего дубинка полетела в одну сторону, а он в другую.

Какое-то время женщина ошарашенно разглядывала лежавших у её ног мужчин. Потом перевела взгляд на меня и сказала:

– Благодарить мне вас глупо, но все же спасибо. Хотя, если вы его лишь покалечили, – тут она помотала головой, – то лучше бы вам этого было и не делать.

Её монолог прозвучал обнадеживающе. С возникшей в моем воображении поминальной свечи сорвалась тяжёлая восковая капля и жёлтым обжигающим пятном застыла на руке.

– Может, перед тем как исчезнуть, поинтересуемся хотя бы их здоровьем? – предложил я.

Женщина ответила длинным красноречивым взглядом.

– Ну, нет так нет, – сказал я, – я ведь особо и не настаиваю.

– Этот человек хотел на мне жениться, – попробовала прояснить она ситуацию.

– Ну, кто-то же должен был однажды на это решиться, – откликнулся я.

Водитель застонал и пошевелился. Женщина бросила на него обеспокоенный взгляд. Может, мне и в самом деле не стоило ввязываться? Водитель подтянул ногу к животу и попытался приподняться. Не получилось.

Рядом с головой Чугунова, словно из-под треснувшего кувшина с вином, медленно растекалась красная лужица. Чтобы выяснить, в чем дело, я подошёл к авторитету вплотную и попытался повернуть его буйную голову повреждённой стороной к себе. В этот момент в конце тротуара появились два милиционера. Увидев меня склонившимся над Чугуновым, переглянулись и прибавили шаг. Ладонь рядового легла на рукоять резиновой дубинки. Я посмотрел на женщину. Та наблюдала за приближением блюстителей порядка без всякого выражения. Оба милиционера были из железнодорожной милиции. Тот, что носил лычки старшего сержанта, вытащил из кармана платок, снял фуражку и промокнул лоб. Сделал он это спокойно, буднично, однако ни на секунду не забывая о нашем существовании. Продолжая идти, сунул платок в карман, надел фуражку и уже из-под её козырька окинул нас настороженным изучающим взглядом:

– Кто-нибудь может объяснить, что здесь произошло?

Я промолчал: было интересно, что скажет женщина. Милиционер с бледным лицом и погонами рядового достал из кармана зеркальце и присел возле Чугунова на корточки.

– Мои друзья немного повздорили, – сухо отозвалась женщина.

– А откуда кровь?

Скрестив на груди руки, женщина пожала плечами:

– Скорее всего, из раны.

– Назвать свою фамилию можете?

– Климентьева.

– А пострадавших?

– Чугунов и Глухов.

Взгляд старшего сержанта прошил девицу насквозь. Он нагнулся над пострадавшими и некоторое время внимательно вглядывался в лица.

– Ну-ка глянь-ка у них документы, – приказал он рядовому.

Тот проворно обшарил карманы мужчин и передал сержанту два пухлых бумажника. Сержант отступил от нас на пару шагов в сторону и внимательно ознакомился с их содержанием. Вытащил пачку «Кэмела», щёлкнул одноразовой зажигалкой и, выпустив плотную струю дыма, посмотрел на меня. Взгляд сержанта мне не понравился.

– Этот человек тоже ваш знакомый? – спросил он у женщины.

Та опустила глаза:

– Я попросила его мне помочь.

Сержант перевёл взгляд на меня:

– Документы с собой?

Я отрицательно помотал головой.

– Займись пострадавшими, – бросил он напарнику. – Пройдёмте.

Я не сдвинулся с места. Брови сержанта удивлённо приподнялись:

– Пока я не выясню, что произошло, я не смогу вас отпустить. Вам это ясно?

– Разве мы уже не выяснили? – спросил я.

– Мы нет!

– Так выясняйте, – предложил я.

– В отделении мы сделаем это быстрее.

– Я не пойду в отделение, – сказал я. – С какой стати?

– Вы понимаете, что я буду вынужден задержать вас силой?

– То, что вы мне не верите, – сказал я, – это понятно, но женщине-то вы можете поверить?

Ведь это она с ними приехала, не я.

В это время рядовой осторожно раздвинул на виске Чугунова волосы и довольно хмыкнул.

– Видно, ему чем-то крепко врезали, – сообщил он. – Рассечение толщиной с палец.

Мы с сержантом посмотрели друг на друга.

– Ну и что я, по-вашему, после этого должен делать? – спросил он.

Теперь препираться по поводу законности моего задержания было действительно бессмысленно. Я повернулся и вялой походкой направился к вокзалу. Предлагая мне убраться подобру-поздорову, девушка знала о чем говорит.

В вестибюле вокзала вместо того, чтобы идти к комнате милиции, я развернулся и двинулся к туалетам. Сержант за моей спиной что-то пробурчал, но я не остановился.

Вход в туалет перегораживал платный турникет, за столом которого сидела сухонькая старушка в синем халате и обменивала сомнительного достоинства чеки на деньги. Приняв мои серебряники, она подняла на меня глаза и лукаво улыбнулась. На секунду я оторопел: героев народных сказок в жизни мне встречать ещё не доводилось. На плече бабуся не хватало только филина. Довольная произведённым впечатлением, старушка проворно сгребла со столешницы мелочь и напроочь забыла о моем существовании.

Я протянул сержанту десятку, но тот отказался. Милиция, в отличие от остальных смертных, согласно правительственной индальгенции имела право опорожнять свой мочевой пузырь за счёт бюджета.

Меряя шагами туалет – пять шагов в одну сторону, пять в другую, – сержант смог выдержать мои углублённые размышления над жизнью ровно две минуты тринадцать секунд. После чего остановился и, достаточно деликатно постучав в дверь кабинки, попросил:

– Заканчивайте.

Тянуть время дальше смысла не имело. Чтобы не исчез элемент достоверности, я спустил в унитазе воду и отворил дверцу кабинки. «Маятник» замер. Обойдя сержанта, я глянул на себя в зеркало и сполоснул над белоснежной раковиной руки. Стоя у стены, сержант, не отрываясь, наблюдал за моим туалетом.

Я стряхнул с рук воду, аккуратно вытер бумажной салфеткой и, мысленно извинившись, прямым в подбородок отправил милиционера в нокаут. Потом открыл дверь кабинки и, втянув сержанта внутрь, усадил на унитаз. Сидеть он не хотел, и мне пришлось приткнуть его голову в угол. Закрыв дверь, я поправил перед зеркалом причёску и, миновав стол с лесной леди, уверенным шагом проследовал к автостоянке.

И женщина, и пострадавшие находились там, где я их оставил. Шофёр уже делал попытки встать, а вот Чугунов к своему положению был совершенно равнодушен. Цвет его лица мне не понравился. Женщина поднялась со скамейки и спросила:

– Милиционер только что ушёл за скорой. Вы его случайно не встретили?

Я сказал, что нет. В некоторых из припаркованных на стоянке автомобилей можно было различить людей. Кажется, я влип – и влип по-крупному. Я подошёл к «Волге», открыл салон и, подхватив Чугунова на руки, с трудом загрузил на заднее сидение. Женщина следила за моими действиями с лёгкой тревогой.

– Садитесь, – сказал я, – мы сами отвезём его в скорую.

После девяностокilограммового тела Чугунова ее чемодан показался мне пушинкой. Я запер багажник на ключ и, дождавшись, когда женщина займёт место в салоне, вырулил на проспект. За всю дорогу никто из нас не проронил ни слова. Я помог санитарам перегрузить Чугунова на носилки и, открыв багажник, хотел вернуть чемодан.

– Пусть он пока побудет у вас, – попросила женщина. – Когда понадобится, я дам вам знать. И можете не беспокоиться: и за хранение, и за доставку я вам заплачу.

Она достала из сумочки блокнот, ручку и попросила продиктовать номер телефона. Я решил, что хуже уже не будет.

– С одним условием, – сказал я, – номер телефона дадите мне вы.

Протянув свою визитку, она предупредила:

– Раньше четырнадцати не звоните.

– Решили все-таки не расставаться? – спросил я.

– А вы разве бросили бы человека в таком состоянии?

– Даже после того, что случилось?

– Это он от отчаяния, – нахмурившись, произнесла она. – Просто не нашёл других аргументов, чтобы меня удержать.

Не знаю почему, но я ей поверил.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Екатерина... Климентьева.

– Ну, а меня Александр Дробышев, – представился я. – Надеюсь, что сегодняшняя стычка пойдёт вашему приятелю на пользу.

– Вряд ли, – сказала она. – Он обязательно постарается вас найти. А если найдёт, то одними извинениями вы от него не отделаетесь.

– Не думаю, что мне придётся извиняться, – сказал я. – Впрочем, если ему нравятся такие приключения, то пусть попробует.

– По-моему, вы просто не представляете, во что вы ввязались, – сказала она.

Тут она была неправа: кроме его фамилии, имени и отчества я знал о нем и много других интересных вещей, как, впрочем, и о ней самой. Но даже если бы он действительно числился Мастером Художественного Слова, то и тогда бы я не стал ему сочувствовать. Мне никогда не нравились люди, унижавшие близких, даже когда те позволяли им это делать.

– Ладно, – сказал я, – надеюсь, сегодня ему будет не до оперативно-розыскных мероприятий.

Во взгляде, который бросила на меня женщина, такой уверенности не прочитывалось. Я проводил Климентьеву до больничных дверей, попрощался и сел за руль. У меня оставалось

ещё целых три часа, чтобы заработать на бутерброд с маслом. А кроме того, мне ещё предстояло определиться с местом для хранения её чемодана.

Я позвонил ей около двенадцати ночи.

– Надеюсь, с вашим женихом все в порядке? – спросил я.

– Это смотря с какой стороны беспокоиться, – сказала она, – в себя пришёл, но врачи оценивают состояние как тяжёлое.

– Вам он уже успел высказать свои пожелания?

Климентьева понизила голос:

– По-моему, он ничего не помнит.

– Ну что ж, может, оно и к лучшему. За чемоданом сами подъедете или мне привезти?

– Я бы хотела, чтобы вы его ещё некоторое время подержали у себя.

– Если у вас там лежит что-нибудь ценное, – сказал я, – то моя квартира не самое подходящее место для хранения сокровищ.

– То, о чем вы говорите, – сказала она, – я держу в другом месте.

– Жаль, – сказал я, – домушникам это может не понравиться.

– Я вам перезвоню, – сказала она.

Напоминать ей, что моего телефонного номера у неё нет, я не стал. Видимо, у неё действительно были причины так поступать.

Глава вторая

Утро порадовало меня по-египетски синим небом и палящим солнцем. Я размялся, принял душ, позавтракал и, выйдя во двор, с удовольствием занял место за рулем отдохнувшей за ночь колесницы. Впереди, у входа на детскую площадку, стояла поддомкраченная «нива» с открытым багажником. Её хозяин, молодой крепкий парень в клетчатой рубашке и синих джинсах, сидя на корточках, присоединял к запаске шланг от компрессора. Судя по поведению еще двух ранних пташек, никому кроме себя самого я был пока не нужен. Такое пренебрежение к моей персоне вселяло надежду, что если инцидент с Чугуновым и поставит крест на моей карьере федерального агента, то не сегодня.

Я включил поворотник и, поглядывая в зеркала, осторожно двинулся по заставленному автомобилями двору. Доехал до угла, глянул в зеркало заднего вида и, отметив выехавшую следом синюю «девятку», вырулил на проспект. Плотность дорожного потока не напрягала. Поглядывая на обмелевшую реку, я перебрался на правый берег и, свернув к автозаправочной станции, встал у бензоколонки. Заправщики рвались в бой. Оплатив горючее, я купил жевательной резинки и, полюбовавшись на поблескивающий у соседней колонки ярко-красный «харлей», вернулся в машину. Поменял музыкальную кассету, включил зажигание – и почти физически ощутил на затылке чей-то взгляд. Долго вычислять источник раздражения не пришлось. Следили из стоявшей метрах в пятидесяти, в тени придорожных деревьев, синей «девятки». Не исключено, что это была та самая «девятка», которую я уже видел. Кто в ней сидит, разглядеть из-за тонировки было сложно. Стараясь не суетиться, я установил на крышу опознавательный знак такси, включил музыку и не спеша выехал на дорогу. «Девятка» не шелухнулась. Может, я просто все себе напридумывал?

До трех часов я честно крутил баранку. Сначала мне повезло с иностранцами у автовокзала, потом со старушкой у похожего на гигантский дуршлаг центрального рынка, затем с болезненного вида паренком, который за двойной тариф заставил меня объездить половину города. В три часа я высадил у центрального парка женщину с ребёнком и решил, что пора подзарядить батарейки. От гамбургеров и хот-догов уже тошнило, и, чтобы нормально пообедать, пришлось сделать крюк.

В стоявшем в глубине квартала кафе было немногочленно. Я заказал порцию окрошки, тушенной с черносливом говядины и пару стаканов морковного сока. Может, я заказал бы и чего-нибудь покрепче, но в этот момент на глаза снова попала синяя «девятка» с тонированными стёклами. На этот раз она не пряталась, а нагло расположилась у входа в кафе. Назвать такую назойливость случайной было уже трудно. Если в автомобиле находились люди Чугунова, то, катаясь за мной столько времени, они явно со мной деликатничали.

Пока я анализировал ситуацию, рядом остановился смуглый темноволосый парень в черных брюках и фиолетовой рубашке и попросил разрешения составить компанию. Я разрешил. Устроившись напротив меня, он извлёк из пухлого бумажника визитку и, положив на середину стола, сухо прошелестел:

– Уполномочен передать вам официальное приглашение на ужин от администрации ресторана «Колизей».

Однако и обороты речи! На одной стороне визитки было напечатано полное имя администратора ресторана: Тишинская Лика Андреевна, фотография, род деятельности и телефон, на другой – дата, время и место.

Насколько я помнил, поклонница с таким именем в моих амурных списках никогда не числилась. С фотографии на меня смотрела немолодая, но все еще красивая женщина со строгой деловой причёской и открытым взглядом. Я положил визитку фотографией вниз и поинтересовался:

– Ты тоже там будешь?

Парень отрицательно помотал головой и встал:

– К сожалению, в мой контракт такого рода обязанности не входят.

– А какого рода? – полюбопытствовал я.

– К сожалению... – снова начал он, но я его перебил:

– Передай, что я подъеду.

Парень бросил на меня неприязненный взгляд, но благоразумно промолчал. Вероятно, ссоры тоже не входили в его контракт. Когда он укатил, я достал барсетку и на всякий случай занёс номер «девятки» в записную книжку. В этой жизни никогда не знаешь, что может пригодиться.

Закончив с трапезой, я все-таки решил, что поступил правильно. В конце концов, ужин в ресторане не самое худшее, что могло со мной случиться – тем более ужин в ресторане, который, по слухам, принадлежал Бадуладзе. Насколько я знал, ни он, ни Чугунов даже в начале своей «трудовой» деятельности никогда большими друзьями друг друга не называли.

В двадцать сорок пять я загнал свою колесницу на автостоянку и, пересев в такси, назвал адрес «Колизея».

На набережной царило праздничное оживление. Южный ветерок лениво поигрывал юбками и волосами женщин. Над перилами коммунального моста, готовое скатиться за горизонт, в жарком мареве мягко сияло солнце. Судя по количеству стоявших по обе стороны от ресторана «БМВ», «ауди» и «мерседесов», посиделки были в самом разгаре.

Я вышел из такси и, поправив выбившуюся из брюк рубашку, двинулся к полукруглому крыльцу ресторана. Подозрительно бодрый швейцар чихнул и, почему-то извинившись по-английски, открыл передо мной дверь.

В просторном вестибюле работал кондиционер. Я зашёл в туалет, сполоснул холодной водой лицо и по широкой лестнице поднялся в обеденный зал. Отражаясь в зеркалах, вдаль уходили ряды столиков. Из-за коричневой конторки поднялся невысокий, пухлый метрдотель и, остановившись в двух шагах от меня, приятным хорошо поставленным баритоном произнёс:

– Добрый вечер. Рад, что вы выбрали наше заведение. Хотите поужинать или будут дополнительные пожелания?

С таким голосом, как у него, можно было бы подыскать работу и поинтереснее. Я вручил ему визитку Тишинской и выжидательно замер. По тому, как метрдотель взглянул на карточку, было ясно, что он знаком с ней не хуже, чем я со своим отражением.

– Как вас представить? – поинтересовался он.

– Если водители у вас все ещё котируются, то можно просто таксистом, – сказал я.

Метрдотель вернулся к конторке, глянул в мою сторону и поднял трубку.

Я осмотрелся. Столики в основном занимали крашенные и натуральные блондинки и брюнетки. Такое обилие женского пола одной субботой объяснить было трудно.

Метрдотель закончил разговаривать и жестом пригласил следовать за ним. У одного из кабинетов он остановился и, окинув меня контрольным взглядом, раздвинул портьеры.

То, что я перед собой увидел, особого восторга не вызвало. Я бы предпочёл разговор с глазу на глаз, хотя сидевшие за круглым столиком женщина и двое мужчин, вероятно, придерживались другого мнения. Тишинская указала на свободный стул и, выждав, когда я сяду, спросила:

– Так вы и есть тот парень, который устроил на вокзале переполох?

Сидевший справа от неё мужчина сдержанно хмыкнул. Я посмотрел на его «точёный» профиль и отвернулся. Похоже, родители в момент его зачатия столько задолжали природе, что та решила таким нехитрым способом напомнить им о себе. Создать такой шедевр, опираясь на одно воображение, вряд ли бы сумел даже такой опытный фантазёр, как Босх.

– А вы как думаете? – спросил я.

Не спуская с меня глаз, Тишинская косточкой указательного пальца осторожно приласкала черную бровь:

– Мой вопрос показался вам слишком прямолинейным?

– Может быть, для начала мне кто-нибудь объяснит, зачем меня вообще сюда пригласили? – предложил я.

Лицо женщины посуровело:

– Вы всем отвечаете вопросом на вопрос или одним женщинам?

Сидевший по левую руку от Тишинской красивый широкоплечий блондин наклонил к плечу крупную голову и выжидающе уставился на меня.

– А вас это не устраивает? – спросил я.

– Не больше, чем скульптора камень.

Кажется, в своё время женщина имела какое-то отношение к искусству.

– Понятно, – сказал я, – надеетесь при моей помощи изваять что-нибудь бизнесукрепляющее?

Тишинская прикурила от электронной зажигалки длинную тонкую сигарету и, не спуская с меня глаз, выпустила к потолку струйку дыма:

– А вы считаете себя на это способным?

– Пока эти мальчики здесь, вряд ли.

Блондин криво усмехнулся. Шедевр повёл подбородком сначала в одну сторону, потом в другую.

– Чем вам так не угодил мои коллеги? – поинтересовалась Тишинская.

– Просто, пользуясь случаем, сразу хочу избавиться от конкурентов раньше, чем это сделают они, – сказал я.

Лицо блондина осталось невозмутимым, а вот Шедевр разволновался не на шутку: придвинул к себе бутылку и одним глотком осушил рюмку.

– Может, ещё по одной? – предложил ему я.

Его сумеречный взгляд на мгновение заморозил даже меня.

– Ну-ну, – пристыдил его я, – я ведь лишь предложил.

Блондин поднялся и молча вышел. Оформленное неведомыми инструментами лицо Шедевра побагровело.

– Вам помочь или сами выйдете? – поинтересовался я у него.

Перестав жевать, Шедевр выжидающе глянул на женщину. Скрестив на груди руки, та разглядывала нас, словно диковинных зверушек. Между её пальчиками, едва заметно подрагивая, дымилась сигарета. Наконец, вдосталь наглядевшись, она обронила:

– Скажите Павлу, чтобы накрыл для вас в жёлтом кабинете.

Шедевр нехотя поднялся. Оказывается, у него была беда не только с лицом, но и с ногами. Имея торс взрослого человека, по вертикали он едва дотягивал до подростка. Надо полагать, что достоинства, за которые его тут держали, являлись тоже не совсем обычными.

– Немного грима, и он с успехом мог бы выступать в цирке, – заметил я, когда тот вышел.

Тишинская окинула меня угрюмым взглядом.

– Налейте-ка лучше вина, – сухо произнесла она. – И мой вам совет: не вздумайте когда-нибудь ляпнуть такое в его присутствии.

– А если не удержусь, то ваша охрана заставит меня каждый день завязывать ему шнурки? – предположил я.

– Если скажу, что в лучшем случае останетесь калекой, вас это устроит?

Я протянул руку за бутылкой и едва не свалил на пол бокал:

– По крайней мере, теперь я хотя бы буду знать, на что мне рассчитывать.

Женщина усмехнулась:

– Теперь, когда вы все знаете, может, перейдём к делу?

Я налил Тишинской вина, а себе виски. Женщина глянула бокал на свет, но пить не стала. Я же сделал пару глотков, подождал, когда осядет горечь, и спросил:

– Георгий сегодня появится?

Брови женщины удивлённо приподнялись:

– Вы это о ком?

– О Бадуладзе. Хочет, чтобы я повторил свой подвиг железнодорожника, но уже в более жёстком варианте?

Не спуская с меня глаз, Тишинская молча откинулась на спинку стула:

– По-моему, вы задаёте слишком много вопросов. Вам не кажется?

– Ровно столько, сколько считаю нужным. А если кому-то не нравится, то это его проблемы.

– С Чугуновым вам повезло, – сказала Тишинская, – а вот со мной может и не сложиться.

– Так повезло, что я теперь вынужден сидеть здесь?

– Другим и этого не удаётся, – не без удовлетворения констатировала она. – Кстати, вы всегда защищаете незнакомых дам?

– Хотите предложить мне работу телохранителя?

– Хочу, чтобы вы наконец начали отвечать на мои вопросы.

– Если вы имеете в виду девушку Чугунова, – сказал я, – то вас неверно проинформировали: на вокзале я защищал себя. – Я указал большим пальцем в сторону выхода. – Может, пока вы не огласили список, нам лучше пожелать друг другу спокойной ночи?

– Кое-какую информацию мы о вас уже собрали, – сухо произнесла она, – поэтому советовала бы без особой нужды не дёргаться.

– Вопросов не задавать, стоять по стойке смирно? Я это уже понял. Внимаю.

Тишинская пригубила бокал:

– Я хочу предложить не просто работу, а очень хорошую работу.

Если вам предлагают выгодную работу или хотят сделать миллионером, то, как правило, вы не получите ни того ни другого.

– Сегодня мне её уже предлагали, – попробовал я поднять свои ставки.

– Не смешите, – сказала она, – кроме меня в этом городе вам никто не предложит такого.

– Думаете, Чугунов одним вам стал поперёк?

На какое-то мгновение мне почудилось, что в кабинете установилась абсолютная тишина.

– А вы действительно смогли бы взяться за такую работу? – спросила она.

Я улыбнулся:

– Не верится?

– Да или нет?

Я сознательно взял паузу. Мне захотелось, чтобы она сама назвала все своими именами.

– Вы действительно согласны на это? – повторила она.

– На что на это?

Женщина замялась.

– Перестрелять всех воробьёв на вашем огороде? – помог ей я.

Она удивлённо приподняла брови.

– Давно, – сказал я, – только вот рогатки подходящей никак подобрать не могу.

– Шутите?

– А вы хотите, чтобы за ужин в ресторане я сразу организовал половецкие пляски?

Глаза Тишинской понимающе блеснули:

– А за десять тысяч?

– Долларов?

– Ну, не рублей же.

– Думаете, что этого будет достаточно, чтобы заглушить трубный голос моей совести?

– Плюс ещё десять сразу после акции? – подняла она ставку.

– Сорок тысяч, – сказал я.

Ошарашенная моей наглостью, Тишинская скрестила на груди руки и медленно откинулась на спинку стула:

– А почему не миллион?

– Ну, мы же с вами здравомыслящие люди.

Губы женщины шевельнула едва заметная улыбка:

– Хорошо. Только тогда и сроки будут крутыми: все должно быть закончено к концу недели.

Условия были жёсткими, но реальными.

– Двадцать штук вперёд.

– Не многовато ли?

– А чем вы рискуете? Это мне бояться надо.

Женщина смотрела на меня, не мигая.

– Ладно, – наконец выдавила она из себя, – поешь ты хорошо, посмотрим, как танцевать будешь.

Через десять минут я вышел из её кабинета, унося двадцать тысяч долларов США. Ещё сутки назад о таком подарке судьбы я не мог и мечтать.

Глава третья

Так хорошо, как в эту ночь, мне давно не спалось. Я привёл в порядок свой организм, позавтракал и, надев свежие портки и рубашку, спустился во двор. Несмотря на раннее утро, исчезнуть по-английски не удалось: видимо, поднятые по тревоге невидимой рукой рынка, несколько парней бодро загружали в стоявшую напротив подъезда «газель» ящики. Мысленно пожелав им удачи, я дотопал до ближайшей остановки и позвонил Климентьевой. Телефон не отвечал. На всякий случай я набрал ещё раз – та же история. Что ж, о сложностях телефонной связи в неурочное время девушка меня предупреждала. Я повесил трубку, бросил в рот резинку и, воспользовавшись услугами общественного транспорта, доехал до центра города, откуда было подать рукой как до её квартиры, так и до её рабочего места. До квартиры оказалось ближе.

В почтовом ящике Климентьевой хранились лишь рекламные объявления и пропитанный запахами подъезда воздух. Я поднялся к её апартаментам и позвонил. Звонок прослушивался, но так, словно шёл из тридевятого царства. Если Климентьева наблюдала за мной в дверной глазок, то мой озабоченный вид вряд ли мог вдохновить её на встречу. Повторная попытка тоже не увенчалась успехом.

Постояв на лестничной площадке, я решил, что будет не лишним поговорить с ее соседями, и не ошибся. Дверь соседской квартиры распахнулась, едва я тронул звонок. Мне даже показалось, что открывшая её женщина уже давно ждала такой возможности. Её крупное, перекрывшее дверной проем тело выглядело непреодолимым препятствием, но карие глаза говорили, что непреодолимых препятствий не существует. Женщину звали Евгения Александровна Кадочникова.

– Милиция нравов, – представился я. – Не подскажите, когда вашу соседку можно застать дома?

– Во второй половине дня. Но ни вчера, ни сегодня она здесь не появлялась.

– Вы с ней так близко знакомы?

– Просто у меня хороший слух.

– Даёт волю своим музыкальным пристрастиям?

– Угадали.

– И каков их список?

– Мог бы быть и пошире.

– Мешает?

– Да нет, все в разумных пределах.

– То есть никаких претензий у вас к ней нет?

Женщина машинально потерела воротник темно-синего в горошек халата:

– Совершенно никаких.

– А мужчины к ней часто заглядывают?

Женщина усмехнулась:

– Вас неверно проинформировали. У неё один мужчина. Да и тот появляется время от времени.

Я достал из кармана снимок Чугунова:

– Похож?

Бросив на фотографию быстрый взгляд, женщина уверенно кивнула:

– Если у него нет брата-близнеца, то на все сто процентов. А до дверей его всегда сопровождают двое охранников. Так что перед тем, как что-то предпринять, вы бы сначала выяснили, кто он такой.

Я посмотрел на женщину с удивлением.

– Я пятнадцать лет проработала в правоохранительных органах, – пояснила она. – Если бы в своё время новая власть отнеслась к нам с пониманием, то, чтобы узнать, что творится в этом доме, достаточно было бы просто набрать мой номер.

Она была права: такие специалисты больших расходов не требуют, а пользу между тем могли бы приносить немалую.

Я вручил женщине визитку и попросил, когда зазвучит эстрада, дать мне сразу же знать.

– Можете на меня положиться, – пообещала она.

Вера в искреннее сотрудничество – роскошь, которую могут позволить себе лишь очень проницательные люди. Увы, но я себя к таким никогда не причислял. Тем не менее это не помешало мне не только получить правдивую информацию, но и не испортить отношения с коллегой. Расстались мы с ней друзьями.

Отсутствие кого-то в одном месте, как правило, подразумевает присутствие в другом. Чтобы подтвердить или опровергнуть это спорное утверждение, я остановился у первого же уличного телефонного автомата и позвонил в фирму Климентьевой.

– Модельное агентство «Силуэт». Чем могу быть вам полезной?

Голос у модельного агентства был женским.

– Способностью соединять сердца. Я могу увидеться с Екатериной Климентьевой?

– К сожалению, нет. Екатерина Михайловна в двухнедельном отпуске.

– А с Ириной Кравцовой?

– Без проблем. Как вас представить?

То, что ее лучшая подруга оказалась на месте, было, несомненно, удачей.

– Спасибо, – поблагодарил я секретаршу, – я сейчас к вам поднимусь и сделаю это сам.

Современные формы здания и недешёвые отделочные материалы говорили о том, что модельное агентство «Силуэт» находится в надёжных руках. Кстати, интересно было бы узнать, в чьих? Моя попытка пройти в вестибюль без демонстрации опознавательных знаков и внятной цели визита успеха не имела. Вежливая охрана заставила исполнять принятый в доме протокол от первой и до последней буквы.

Для руководителя коммерческого отдела Кравцова выглядела не только непростительно модно, но и молодо. Но, может, в модельных агентствах теперь так принято? Две девушки, которые трудились за соседними столами, не обращали на нас никакого внимания. Я извинился, что отрываю её от дела, и честно признался, что ищу Климентьеву. Глаза женщины стали неприветливыми.

– Ваши документы? – холодно произнесла она.

Я протянул ей водительское удостоверение. Сверив фото с натурой, она вороватым движением придвинула к моей руке визитку и бросила на меня выразительный взгляд. Вот тебе и модельное агентство. Я накрыл визитку мужественной рукой Штирлица и аккуратно переправил в карман.

– Где она, не знаю, но могу дать номер её телефона и домашний адрес, – сообщила она.

– Телефон у меня есть, – сказал я, – а вот за адрес спасибо.

Вероятно, подобная система связи действовала у подруг давно.

На улице я достал визитку и познакомился с её владельцем подробнее. Им оказался некий Артём Юрьевич Мазур, ювелир. В базе моих данных человек с такой фамилией не числился. Но это ровным счётом ни о чем не говорило.

Глава четвертая

Официально работу на Тишинскую я начал со звонка ювелиру. Учитывая ту «сложность», с которой его визитка оказалась в моем кармане, я позвонил ему из телефона-автомата. Ювелир оказался на месте.

– День добрый, Артём Юрьевич! – поприветствовал его я. – Мне порекомендовала вас одна общая знакомая, имя которой по телефону называть я бы не хотел. Рассчитываю получить у вас консультацию по поводу перстня-печатки. В ближайшее время к вам можно подъехать?

Мой монолог ювелир выслушал в полном молчании. Редкий экземпляр. Большинство из нас не может сдержаться от комментариев даже на собственных похоронах.

Ювелир осторожно прокашлялся:

– Будет лучше, если мы с вами встретимся не у меня, а где-нибудь на стороне, скажем, в скверике у краеведческого музея?

– С вами я готов встретиться даже за стойкой пивбара, – откликнулся я.

– К сожалению, ни в барах, ни в пивных напитках я не ориентируюсь. Время между тринадцатью и четырнадцатью часами вас устроит?

– Вполне. В тринадцать ноль ноль я буду ждать вас на одной из скамеек сквера.

– Вы на машине? – поинтересовался он.

– Я редко передвигаюсь пешком.

– К вокзалу подбросить после разговора сможете?

– Считайте, что уже подбросил, – опрометчиво пообещал я.

– Спасибо. По каким приметам я вас узнаю?

– Крепко скроенный шатен в синих джинсах и голубой рубашке.

– Голубое с синим? Хорошо, я вас найду.

По голосу, ювелиру перевалило далеко за шестьдесят. Что могло быть общего между ним и девушкой, которой едва исполнилось двадцать, было не совсем понятно.

Под ложечкой сосало. До тринадцати часов времени оставалось ещё много. Я забрал со стоянки свою колесницу, плотно перекусил «У Вартана» и с настроением в десять баллов по собственной шкале двинулся на встречу с ювелиром.

Дорога до краеведческого музея заняла двадцать минут. Дедуля появился вовремя. Все, кроме оранжевой бейсболки, было на нем строгого черного цвета. То, что это именно он, мне помог определить его напряженный взгляд и добротные старческие морщины. Помня о просьбе ювелира, я показал ему на свою лошадку и предложил продолжить разговор в машине. Он не возражал. Приземистые пушки у краеведческого музея отливали темно-коричневым блеском. Мы пересекли отделяющую сквер от автостоянки дорогу и, поглядывая на подъезжающие к шлагбауму автомобили, прошли за турникет. Навстречу нам, из-за будки охранников, дурачась, вышли два парня и девушка. Возможно, люди Чугунова увязались за мной у дома Климентьевой, а может, их привёл за собой ювелир. Как бы там ни было, но, когда я их пробил, махать крыльями было поздно. На этот раз ребята подошли к делу с выдумкой. В двух метрах от нас троица закрыла лица платками и дружно вскинула газовые баллончики. Те, кто сталкивался с их начинкой, знают, что это такое. В себя мы пришли уже в машине. По звуку двигателя я определил, что не в своей. На руках наручники. Сколько ехали, пока находился в отрубе, не знаю, но в сознании – минут двадцать. Перед тем, как остановиться, под колёсами зашелестела грунтовка. Где-то неподалёку пару раз трубно рявкнула собака. Кто-то заговорил. Затем голоса смолкли и машина снова тронулась, чтобы на этот раз через несколько метров остановиться уже окончательно.

Щёлкнул дверной замок, и в нос ударил запах мебельного салона вперемешку с запахом перегретого двигателя. Чьи-то руки сняли с наших глаз повязки и, вытолкнув из машины

на каменный пол просторного, как теннисный корт, гаража, поставили лицом к облицованной белым кафелем стене.

Ювелира знобило. Я спросил, как он себя чувствует, но он лишь сжал зубы и затряс головой. Мужской голос за нашими спинами прочистил горло и приказал заткнуться. Во рту стояла такая сушь, будто не еврейский народ, а я сорок лет мотался по пустыне за Моисеем.

Минут через десять за спиной послышались чьи-то уверенные шаги, вспыхнул дополнительный свет и незнакомый мужской голос приказал повернуться.

Не знаю, что испытывал сидевший напротив нас в кресле Кондратьев (между своими Кондрат), но у меня этот спектакль ничего кроме чувства раздражения не вызывал. Переступая с ноги на ногу, рядом с Кондратьевым топтались два крепких парня, одного из которых сегодня я точно видел у музея. Так вот, оказывается, чьи это были люди.

Тяжёлый взгляд авторитета остановился сначала на ювелире, потом на мне. Серые с лёгким прищуром глаза смотрели без всякого выражения. Для человека, который не в ладах с законом, ни его крупное невыразительное лицо, ни его розовая рубашка в паре с зелёными брюками никакими особыми криминальными приметами на фоне остального человечества не выделялись.

– С Климентьевой давно знаком? – спросил он у меня.

– Три дня.

– А зачем встрял?

– Мама так воспитала.

– Ну и что мне теперь с тобой делать, наградить медалью за спасение утопающих?

– Наручники с насними, – без всякой надежды попросил я.

– Хочешь повторить свой подвиг?

Я промолчал.

– Браслеты с него снимите, но глаз не спускайте, – приказал Кондратьев телохранителям.

Те сняли с меня наручники и снова застыли рядом с авторитетом. Рук ниже запястий я не чувствовал.

Я кивнул на ювелира:

– И со старика тоже.

Телохранители глянули на Кондратьева, но тот не сказал им ни слова.

– А теперь расскажи, что тебя на самом деле связывает с Климентьевой? – закидывая ногу на ногу, предложил он мне.

– По-видимому, то же, что и тебя, – сказал я, – Чугунов. Это она заложила меня твоим шестёркам?

Пальцы на руках стало покалывать.

Кондратьев потёр подбородок:

– Ты знаешь, где она?

– О! – грустно произнёс я. – Я смотрю, девочка и с тобой была не до конца откровенна.

Выдерживая паузу, Кондратьев дважды провёл языком по дёснам.

– Во всяком случае, на квартире её можешь не искать, – добавил я.

– Где её нет, мы и без тебя знаем, – по-хозяйски разглядывая меня, сказал Кондратьев, – ты нам лучше скажи, где она может быть.

Мои пальцы наконец-то стали меня слушаться.

– Когда твои шустрики меня опрыскивали, я как раз над этим и работал.

Кондратьев кивнул на ювелира:

– Старик тоже в деле?

– Это ювелир, – равнодушно бросил я, – хотел у него проконсультироваться по поводу перстня.

Мышца под правым глазом Кондратьева непроизвольно задёргалась. Ювелир заёрзал. Глядя на него, я тоже забеспокоился: в таком состоянии проболтаться все равно что поделиться радостью с близким человеком.

– Ювелир, говоришь? – глаза Кондратьева оживлённо блеснули.

Ювелир дёрнул головой так, словно ему вдруг перекрыли кислород.

– Ну, тогда пусть растолкует мне, что означает такое словечко, как бикса?

Ювелир сглотнул слюну:

– Ёмкость для сбора отходов обработки драгметаллов.

– Ты смотри, – одобрительно прокомментировал Кондратьев, – похоже, он и в самом деле в этом разбирается. Что ж, и на старуху бывает проруха. Мои извинения. – Кондратьев коснулся бедра охранника. – Снимите с него наручники, приведите в порядок и доставьте куда скажет.

Охранники сняли со старика наручники и, придерживая под руки, вывели из гаража.

Кондратьев зевнул, сонно потёр глаза и, хмуря брови, предложил:

– Пивко будешь?

Во рту по-прежнему стояла такая сушь, что я был согласен даже на уксусную эссенцию.

Кондратьев поднялся и по длинному коридору провёл меня в дом. Усадил на кухне за стол, наполнил из-под крана две кружки темным пивом и, придвинув одну мне, с другой устроился напротив. После наручников и газа такое времяпрепровождение показалось мне не самым худшим вариантом.

Расстегнув на груди рубашку, Кондратьев сделал пару глотков, бросил в рот фисташку и, окинув меня взглядом профессионального портного, поинтересовался:

– Ну, и как ты думаешь, во сколько тугриков тебе обошлась твоя благородная дурь?

Жалея, что я так и не успел притронуться ни к пиву, ни к фисташкам, я поставил кружку обратно на стол и, как мне показалось, достаточно спокойно полюбопытствовал:

– Ну, и во сколько же?

Пить мне уже не хотелось.

– В триста тысяч...

– Рублей?

– Да нет, Яша, долларов.

– Сумма, которую Чугунову пришлось выложить за медуслуги?

– Сумма, которую он собирает с нашего чудесного городка каждый день.

– А в этот раз что, собрать не удалось?

– А теперь за него отдуваться приходится мне.

– Экзамен, который не каждый здоровый выдержит, – согласился я.

Кондратьев бросил на меня испытующий взгляд:

– Считаешь, что это просто?

– Считаю, что ты взялся за меня не с того бока, – сказал я. – Мы ведь с тобой знаем, у меня нет таких денег.

– Предлагаешь нам компенсировать моральный ущерб твоим пышущим жаром здоровьем?

– Ты хочешь от меня совсем другого, – сказал я.

Взгляд Кондратьева остановился на уровне моей груди:

– Во-первых, я хочу, чтобы ты не питал на свой счёт никаких иллюзий.

Если бы Кондратьев меня знал, он не стал бы нести эту ахинею. С иллюзиями я успел расстаться ещё до школы.

– А во-вторых, – продолжил он, – я хочу, чтобы перед тем, как с Климентьевой случится беда, ты забрал у неё все, что она успела на нас накопить.

– После того, как я побывал у тебя, она мне уже вряд ли поверит, – сказал я.

- А зачем тебе ей об этом рассказывать?
- Меня здесь кто только не видел.
- На этот счёт можешь не беспокоиться.
- Это все, что ты хотел? – спросил я.
- Если справишься, мы с тобой в расчёте.
- А если нет?
- Значит, не повезло.
- Я подумаю, – сказал я.

Кондратьев недобро усмехнулся:

– Предоставь заниматься этой хренью интеллигенции, у нас с тобой задачи посерьёзнее. Интеллигент, размышляющий об убийстве? Наверное, он был прав.

– Меня тоже доставят домой, – поинтересовался я, – или в целях конспирации придётся топтать на своих двоих?

Взгляд Кондратьева утратил ко мне всякий интерес:

– Доставят.

В дверях появился телохранитель и выжидающе уставился на хозяина. Когда Кондратьев успел его вызвать, я не заметил. Впрочем, имея дело с фигурой такого пошиба, вряд ли стоило удивляться. Кондратьев поставил перед телохранителем задачу и, закрыв глаза, дал понять, что разговор окончен.

Обратный путь я снова проделал с повязкой на глазах. В квартире было душно и одиноко. Ещё никогда в жизни вода из-под крана не доставляла мне такого удовольствия.

Глава пятая

Честно говоря, ни встречаться, ни тем более иметь дело со школьным приятелем Витей Кочетовым мне не хотелось. «Контора» вышла на него случайно. Но поставить точку в этом деле судьба почему-то решила предоставить именно мне.

«Волга» ждала меня там, где я её и оставил. Я заглянул под капот, в багажник, под днище и, переставив из-под днища подаренный мне людьми Кондратьева маячок на припаркованную по соседству «тойоту», выехал на проспект. Попытка обнаружить слежку успехом не увенчалась. Я ещё некоторое время покружил по городу и встал неподалёку от шестого отделения милиции, в котором вот уже седьмой год доблестно трудился уполномоченный Чугуном Кочетов.

Время тянулось медленно. По улице с завидным постоянством проносились маршрутки. Из здания милиции постоянно то выходили, то входили люди. Кочетов появился неожиданно. Его плотная, приземистая фигура в милицейской форме выбралась из подъехавшего к крыльцу уазика и быстро скрылась в здании. Теперь я хотя бы знал, что он на месте.

Поднявшееся было на дыбы время сбросило обороты и снова поползло со скоростью клячи. Я не спеша поел и, борясь с навалившейся дремотой, прогулялся к киоску с прессой.

Кочетов появился через два часа, когда солнце начало готовиться к закату. Теперь на нем была розовая рубашка с короткими рукавами и серые джинсы. Я дождался, когда он свернёт за угол, и тронулся следом. Местом, куда он направлялся, оказалась небольшая уютная закусокная с китайскими или японскими иероглифами над круглой вывеской.

Когда я вошёл, Кочетов сидел за небольшим квадратным столиком и изучал меню. За восемь лет, которые мы не виделись, его внешность существенных изменений не претерпела. С круглым добродушным лицом и мягкими чертами, она по-прежнему заставляла думать, что перед тобой добродушный губошлёп, а не сотрудник уголовного розыска.

Когда я с двумя бутербродами и бутылкой безалкогольного пива устроился напротив него, он протянул руку и вяло поинтересовался:

– Давно у нас?

– Месяца полтора.

– В отпуске?

– Комиссовался.

– Чем занимаешься?

Я отхлебнул пива:

– Кручу баранку. А ты?

– Служу.

– В банке?

– В уголовном розыске.

– Круто. Ну и как обстановка, криминал не достаёт?

– Скучать не приходится.

– Кстати, о криминале, – вонзая в бутерброд зубы, произнёс я, – Чугунов местный авторитет или из пришлых?

– Местный.

– А его правая рука?

– Кондратьев, что ли? Тоже.

– Крупная группировка?

Кочетов бросил на меня удивлённый взгляд:

– Чего это они тебя вдруг заинтересовали?

– Работу предлагают.

– Половина города их. Если не споткнутся, то скоро возьмут и вторую, – он снова взглянул на меня, но на этот раз уже повнимательнее. – Действительно предлагают, или во что-то влип?

– Середина на половину.

Кочетов вздохнул:

– Место они тебе, конечно, предложат, вот только где?

Я усмехнулся:

– Пока в ресторане.

Взгляд Кочетова стал равнодушным:

– Можешь соглашаться.

Я запил бутерброд остатками пива и попрощался. По лицу Кочетова было видно, что он хотел спросить у меня что-то ещё, но в последний момент удержался. Его нерешительность меня не обескуражила: я знал, что через день-другой он все равно на меня выйдет. Сделав пару ходок с клиентами, я остановился у ближайшего телефона-автомата и договорился с Тишинской о встрече. На перекрёстке я задумался и едва не проехал на красный свет. Я прижался к обочине и минут тридцать, поглядывая на проезжающие за окнами автомобили, обдумывал детали предстоящего свидания. Тишинская, как мы и договаривались, ждала меня в «Говорящей обезьяне». На ней был зелёный батник, черный пояс-бант и оранжевые брюки. Шедевра она предусмотрительно оставила в машине.

– Я заказала на свой вкус. Ничего? – поинтересовалась она.

На столе стояла бутылка сухого вина и две украшенных зеленью и овощами тарелки с ракообразными.

– Лобстеры под белым соусом, – перехватив мой взгляд, пояснила она. – Здесь их готовят очень хорошо.

Я поблагодарил.

– Ешьте, не торопитесь, – сказала она. – Сегодня у нас достаточно времени.

Ракообразные, действительно, оказались замечательными.

– У меня возникла небольшая проблема, – сказал я. – С одной стороны, это вроде бы нам на руку, но с другой, может здорово помешать.

Я коротко обрисовал ей сложившуюся ситуацию и умолк.

Тишинская пожала плечами:

– А что вас, собственно, смущает? Мне кажется, все складывается отлично. Пока они будут считать, что вы работаете на них, мы можем спокойно заниматься своим проектом.

– А Климентьеву в это время будет искать ваша тётя?

– Положитесь в этом вопросе на нас.

– А если у вас не получится?

– Думаю, что к этому времени проблема Климентьевой уже никого не будет интересовать.

Я усмехнулся:

– А чья будет, моя?

Женщина посмотрела на меня в упор:

– Вчера вы казались смелее.

– Вчера я получил от вас задаток, – напомнил я, – и, как это ни странно, настроен получить и все остальное.

– Ну так и действуйте! – подбодрила она. – Ведь за просто так никто денежек вам не отдаст.

– Прежде чем действовать, я должен быть на сто процентов уверен, что никто не станет путаться у меня в ногах, – сказал я.

Женщина наклонилась ко мне:

– Вы это о чем?

- Думаете, Кондратьев будет сидеть сложа руки?
- С Кондратьевым мы все уладим. Выбросьте его из головы и займитесь объектом.
- Мне понадобится оптика, – сказал я.

Лицо Тишинской напряглось. Она поднесла к губам бокал и, чуть пригубив, поставила на место:

– Мы не занимаемся решением материально-технических проблем. Нас интересует только результат. И если вам вдруг показалось, что вы сможете обделывать за наш счёт свои делишки, то это очень непродуктивная идея.

Её пронизательности можно было лишь позавидовать. Я равнодушно пожал плечами:

– Ну, если элементарную осмотрительность трактовать подобным образом, то мы вряд ли придём к консенсусу.

Выудив из пачки сигарету, Тишинская щёлкнула зажигалкой:

– Можете не сомневаться, что такое элементарная осторожность, я знаю не хуже вашего. Поэтому все ваши попытки затянуть время, мягко говоря, неосновательны. Да и потом, у вас просто нет выбора, и либо вы честно закончите дело, на которое подписались, либо... – что скрывается под вторым вариантом, она уточнять не стала. – Ведь по большому счёту ни для чего другого вы не нужны ни нам, ни тем более Кондратьеву.

– Другими словами, – сказал я, – если что-то пойдёт не так, прикрывать меня вы не станете?

Стряхнув с сигареты пепел, она печально кивнула:

– Совершенно верно, у каждого должна быть своя зона ответственности.

– Где и когда я получу вторую половину?

– После проверки результата. В любом удобном для вас месте.

– А дальше?

– А дальше вам будет лучше исчезнуть.

– А если я захочу остаться в городе?

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

– Ну, вообще-то, у нас свободная страна.

В словоблудии Тишинская могла запросто потягаться с любым политическим деятелем. Впрочем, без умения выдавать желаемое за действительное люди до сих пор жили бы в пещерах.

– Исчерпывающий ответ, – похвалил её я. – Ждите звонка.

Я бросил на скатерть пять тысяч и поднялся. Тишинская протянула деньги обратно:

– Я уже заплатила.

– Бесплатно я не позволяю кормить себя даже родственникам, – сказал я.

– А мне вчера показалось, что мы с вами в некотором смысле даже больше, чем родственники, – улыбнулась она.

– А вы перекреститесь, – сказал я. – Иллюзия – штука прекрасная, но не в нашем же с вами деле.

Мой совет сделал её улыбку только шире:

– Если вы хотите стать независимым, то деньги надо копить, а не разбрасывать на подобного рода мероприятия. Впрочем, с такими принципами, как у вас, мне вряд ли удастся убедить вас в обратном.

Представляю, какое было бы у неё лицо, познакомься она с моими настоящими принципами.

Глава шестая

Утро выдалось на редкость тёплым и солнечным. Размяв суставы, я поработал со снарядами, потом принял душ, и лишь после этого, позавтракав яйцами всмятку, беконом и тёртой редькой со сметаной, позволил себе чашку кофе.

Теперь можно было подумать и о делах. Похоже, Кондратьев мне верил или делал вид, что верит. Ну что же: «надежды юношей питают». Я столько раз числился в благоразумных, что однажды, наверное, мог себе позволить в это не поверить.

Я оделся, достал с антресолей дорожный баул и спустился к машине. Полчаса пришлось потратить на то, чтобы заскочить в продуктовый и зоологический магазины. Других забот у меня на сегодня в городе намечено не было. В зеркале заднего вида было чисто, но я все-таки решил не рисковать. Оставив машину на платной автостоянке, поймал «шестёрку» и за пятьсот рублей уговорил хозяина скататься за город.

Загородная природа дышала покоем, и я позволил себе расслабиться. Луга, сосновые и берёзовые рощи, поля с подсолнечником и кукурузой действовали лучше любых транквилизаторов. Когда мелькнула излучина реки, а немного погода и указатель «Большие Боярышники», я уже ощущал себя спокойней самого спокойствия.

Застроенные одно- и двухэтажными домами, Большие Боярышники располагались на пологом холме и одной из своих улиц вплотную подходили к реке. На околице посёлка, на холме, возвышаясь над зеленью берёз, сияли церковные купола. Мы доехали до центра и, свернув за магазином в переулок, через пару минут уткнулись в церковные ворота.

Небольшая калитка в чугунной ограде была приоткрыта. Я попросил у водителя полчаса и, пройдя за ограду, где по естественному газону деловито разгуливали куры, по выложенной плиткой дорожке направился к дому батюшки. Слабый южный ветерок доносил с поля запах только что скошенной травы. Из конуры вылез серый в рыжих подпалинах Лаврик и, дружелюбно виляя хвостом, заспешил мне навстречу. Я достал приготовленную для него кость и, потрепав по холке, почти насильно вложил в пасть. Что ж, понять животину было можно: после церковных харчей магазинная снедь могла вызвать вопросы даже у пса.

– Прости, дружище, но чем богаты, тем и рады. Батюшка дома?

– Дома, Саша, дома, проходи.

На высоком крыльце, улыбаясь, стоял отец Николай. Мы поздоровались. После мнимой демобилизации я прожил у него почти две недели, за которые мы успели с ним достроить баню и начать новый курятник.

На батюшке была матерчатая скуфья, коричневая ряса, зелёное трико и черные на липучках ботинки. Шестьдесят лет, которые он прожил на белом свете, ни на его крепкой фигуре, ни на его свежем, цветущем лице никак не сказались, хотя свои первые тридцать лет он провёл совсем не под церковной сенью.

Заметив у ворот незнакомую машину, он поинтересовался:

– За инструментами?

Я кивнул:

– Срочная работа.

Отец Николай поскучневшим взглядом скользнул по моему лицу:

– Ну да. Ну да. А я уж было обрадовался, думал, хоть денёк погостишь.

– Через недельку, – пообещал я ему. – Закончу проект и сразу к тебе.

Мы прошли в дом. Батюшка усадил меня за стол и, оставив один на один с дремавшим на подоконнике котом, ушёл за моим кейсом. На стене, напоминая о грядущих неприятностях, равнодушно постукивали старинные ходики с кукушкой.

Я выставил из баула на стол три бутылки водки, тушку сёмги и банку с рубиновыми меченосцами. Водку с сёмгой оставил на столе, а рыбок отнёс в спальню, где у батюшки стояли два аквариума. Рыбки и я являлись в этом доме единственными, кто не имел никакого отношения к религии.

Батюшка вернулся с моим рабочим кейсом и тяжёлым запотевшим кувшином. Кейс поставил в угол, а из кувшина наполнил пол-литровую керамическую кружку и, поставив передо мной, снова вышел, на этот раз чтобы принести отварной лосятины, бочковых огурчиков, помидоров и капустки. Заполнивший кухню аромат разносолов приятно зашекетал ноздри.

Пока я потягивал берёзовый квасок, пытаюсь отогнать от себя мысли о предстоящем деле, батюшка неторопливо поведал о начале строительства в Больших Боярышниках новой партии коттеджей. Известие о строительном буме меня приятно порадовало. Я подумал, что коттеджи – эта та часть России, которую она потеряла и которую до сих пор не очень-то активно пытается возродить. И, по-видимому, неспроста.

– Может, мне тоже прикупить здесь землицы? – спросил я.

– Чтобы было, где поиграть в гольф? – добродушно улыбнулся батюшка.

– А ты бы хотел, чтобы я начал с разведения африканских страусов, антилоп и павлинов?

– У человека, Саша, один советчик: собственное сердце. Что в нем родилось, то и правда.

Другое дело, что эта правда часто не нравится ни нам, ни нашим ближним. Даже когда она один в один похожа на жар-птицу.

– Тогда у меня все в порядке: полная гармония между сознательным, подсознательным и внешней средой.

Батюшка бросил на меня ироничный взгляд:

– Ты так думаешь?

– Я так чувствую, – сказал я. – Так что подбирай участок.

Батюшка одобрительно хмыкнул:

– Смотри только, чтобы потом мне не пришлось ловить тебя на слове.

– Если вернусь, не придётся.

В этот момент где-то неподалёку, вероятно празднуя очередную победу над курицей, дурным голосом проорал петух.

Батюшка улыбнулся:

– Да нет, кажется, на этот раз ты и в самом деле говоришь правду.

– Говорить правду, попадая в деревню, уже становится для меня доброй традицией, – подтвердил я.

Когда мы выпили с батюшкой бутылку, я поблагодарил и поднялся из-за стола.

Пока я укладывал в багажник баул с инструментами, и батюшка и водитель о чем-то вполголоса переговаривались. Беседы были коньком отца Николая. Все это время где-то за окнами, захлёбываясь от натуги, надрывалась чья-то бензопила.

Глава седьмая

В город мы вернулись к полудню. Не доезжая до автостоянки, я попросил водителя остановиться. Похоже, мой загородный вояж остался для моих новых «друзей» незамеченным. Во всяком случае, я на это надеялся. Прячась от солнца в тени деревьев, я дошёл до автостоянки, сел в свою колесницу и, не забывая поглядывать в зеркало заднего вида, двинулся к уютившей господина Чугунова больнице.

Белое пятиэтажное здание, окружённое с четырёх сторон тополями, едва просматривалось. Я надел бейсболку, тёмные очки, взял пакет с инструментами и, оставив машину на стоянке, по тенистой аллее прошёл к главному входу.

У окна регистратуры было подозрительно безлюдно. Я оперся локтем на стойку и поинтересовался у сидевшей за столом женщины, в какой палате лежит Чугунов.

Бросив на меня быстрый взгляд, она протянула к окошку руку:

– Ваши документы, пожалуйста?

Этого я не ожидал.

– А это обязательно? – спросил я, не шелохнувшись.

– Для тех, кто появляется у нас в первый раз, обязательно.

Глаза женщины смотрели на меня без всякого выражения.

– Может, паспорт можно заменить... бумажкой с символом славного города Ярославля? – тонко намекнул я.

– Только не у нас.

Решительность женщины вызывала симпатию. Пока такие люди существуют, судьба государства не безнадежна. Ситуация требовала новых подходов. Я нашёл на стене схему больничного комплекса и, зафиксировав в памяти, спустился во двор. От главного корпуса к другим корпусам можно было попасть двумя путями. Я обогнул здание главного корпуса и по выложенному плиткой тротуару направился к выкрашенному оранжевой краской одноэтажному сооружению. Висевшая рядом с металлическими дверями табличка подтверждала, что я пришёл туда, куда рано или поздно попадает каждый, у кого возникают проблемы с личными грехохранилищами. Правда, моя первая попытка проникнуть в морг без очереди вышла неудачной. Двери перевалочного пункта оказалась на запоре. Я нажал на звонок и, не убирая пальца, замер. Судя по расписанию, в морге был обед. С третьей попытки мне, кажется, удалось его прервать: за дверью шёлкнула задвижка. Молодой красивый парень в синем халате, быстро окинув взглядом меня и близлежащие окрестности, посторонился и гостеприимно предложил:

– Заныривай.

В комнате, в которую он меня привёл, стоял старый канцелярский стол, пара стульев и черно-белый телевизор на потрёпанной временем тумбочке.

– Пришёл навестить приятеля, – сказал я, – но без документов, назвать номер его палаты в регистратуре отказываются, не поможешь?

– Фамилия, имя, отчество?

– Чугунов Эдуард Алексеевич.

Парень фыркнул:

– Ты что, за лоха меня держишь? Друзья его палату наизусть знают.

Я достал бумажник:

– Сколько?

Парень возмущённо вскинул руки:

– Да ты что, мне жить, что ли, надоело?!

Я положил на плечо парню ладонь и легонько подтолкнул к стулу:

– Если не хочешь, чтобы однажды тебе ответили на этот вопрос утвердительно, старайся больше незнакомым людям его не задавать.

Оказавшись в положении сидя, парень занервничал. Я отошёл к окну, достал из пакета револьвер и пояснил:

– Это чтобы никто не мог утверждать, что ты сдал его добровольно.

Как ни странно, но вид оружия подействовал на него успокаивающе. Он глубоко вздохнул, потёр ладонями бедра и сипло выдохнул:

– Шестая... Отделение реанимации.

Мне оставалось лишь надеяться, что его ответ был навеян не школьной программой по литературе.

– Студент? – спросил я.

Он кивнул. Я отсчитал ему три бумажки по тысяче и, пожелав приятного аппетита, оставил размышлять над превратностями судьбы.

Широкие окна стационара выглядели безжизненными. Я на ходу поменял очки с бейсболкой на парик а-ля Стивен Сигал и, поправив на плече сумку с инструментами, направил свои стопы к соединявшемуся с административным корпусом галереей стационару.

В пустом предбаннике с красными пластмассовыми стульями и зелёными стенами стояла звонкая тишина. Я подошёл к двустворчатым дверям с надписью «Реанимационное отделение» и заглянул в небольшое стеклянное окошко.

Длинный мрачноватый коридор с многочисленными дверями проходил через весь стационар и заканчивался окном. Сразу за дверями, рядом с пожарным щитом, стоял стол с телефоном и пустой стул с переброшенным через спинку врачебным халатом. На всякий случай я подёргал дверную ручку. Заперто. Увы, но почему-то сегодня на все объекты я попал в неурочное время.

Я поднялся этажом выше и, представившись медсестре наладчиком медоборудования, попросил проводить в реанимационное отделение. Решение оказалось удачным. Очувтившись один на один с одетой в зелёный халатик медсестрой, я повеселел. Девушка выглядела соблазнительно. Жаль, что в своё время я так и не подал документы в медицинский.

В палате, куда мы пришли, в полумраке можно было рассмотреть операционный стол и стоявшие неподалёку от него аппараты искусственных лёгких и сердца. Органов, без которых, как утверждают бывалые пациенты, нельзя обходиться даже в раю. Принимая во внимание название палаты, мы, видимо, находились ещё только в его предбаннике. Сестра раздвинула на окнах жалюзи, и я увидел за ширмой три пустых реанимационных кровати.

– Что-то не так? – спросила она у меня.

Вопрос был некорректным.

– В отделении много больных? – спросил я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

– Двое. А что?

– Чугунов среди них есть?

– А вы ему кто?

– Да, в общем-то, никто. Корреспондент.

– Умер. Перед обедом перевезли в морг.

На этот раз я взглянул на неё самым пристальным образом. Лицо сестры выглядело по-рабочему будничным.

– Причину смерти установили?

– Предварительная версия – инсульт. Но точно можно будет сказать лишь после вскрытия.

Новость была не из приятных. Теперь я мог рассчитывать услышать откровения Чугунова лишь в видеозаписи.

– Где вас можно будет найти? – спросил я.

– В ординаторской.

Я подождал, когда она выйдет, и набрал номер Тишинской.

– Узнаете? – спросил я.

– Вокзальный хулиган?

– Да нет, – сказал я. – На этот раз уже больничный. Я бы хотел получить за свою ударную работу вторую половину.

Женщина хмыкнула:

– А я уже думала, что вы не объявитесь. Насколько я знаю, в том, что там произошло, в большей степени заслуга природы.

Служба оповещения работала у них превосходно.

– Просто в отличие от вокзальной истории она не так очевидна, – сказал я. – Пришлось применить нетрадиционные методы.

– Слишком много «не», – с нажимом произнесла Тишинская.

– Хотите сказать, что мы с вами в расчёте?

– А вы имеете что-то против?

– Буду, если вы не поможете мне с Климентьевой.

Женщина фыркнула:

– Теперь все ее материалы не стоят и выеденного яйца.

– Кондратьев тоже так считает?

– Думаю, после того, что случилось, он уже успел забыть и о вас, и о вашей Климентьевой. – Она усмехнулась. – Не портите человеку праздничный день, юноша.

– А вы циничны, – не удержался я.

Тишинская вздохнула:

– Чтобы вы знали на будущее: реальность цинична в принципе.

На этот раз её утверждение прозвучало достаточно правдоподобно. По-видимому, иногда правда прорывается в речь независимо от нашей воли.

Не сказав больше ни слова, она отключилась. Её уверенность мне не передалась. У Кондратьева насчёт Климентьевой могли быть совсем другие планы.

Вернувшись на автостоянку, я сел за руль и, наблюдая за шумной разборкой воробьёв из-за куска подсолнуха, несколько минут анализировал ситуацию. В конце концов, разговор с Кондратьевым вряд ли мог грозить для меня новыми проблемами. Поразмышляв ещё какое-то время, я дошёл до автомата и набрал номер модельного агентства. Трубку взяла Кравцова.

– Пока ничего нового сообщить о судьбе Кати не могу, – откликнулась она. – Но несколько раз по этому поводу звонил какой-то мужчина. Может, вам стоит с ним связаться?

Если я правильно её понял, то речь снова шла о ювелире. Быстро же он в себя пришёл.

Разговор с Кондратьевым занял у меня гораздо больше времени. Понять по его голосу, в каком он находится настроении, было трудно. Если настроение и содержало элементы ликования, то он это тщательно скрывал.

– До меня дошли слухи по поводу главы «семейства», – сказал я. – Мои соболезнования. Задание по Климентьевой по-прежнему остаётся в силе?

– Не терпится соскочить с крючка?

– Никто не любит подвешенных состояний.

– Я тебя бить её жениха по голове кувалдой не заставлял.

– Это был несчастный случай, – сказал я.

Кондратьев устало вздохнул.

– Действуй, как мы договорились, – жёстко бросил он. – Оказывается, у этой сучки материалы не только по Чугуну.

Климентьева определенно начинала мне нравиться. На фоне стоявших раком соотечественников она производила впечатление единственного нормального человека. Хотя шансов переломить ситуацию у неё не было никаких. Может, нам действительно стоило объединить с ней усилия?

Время приближалось к семнадцати ноль ноль. Подсевшие батарейки требовали подзарядки. Я свернул к ближайшему кофе и плотно пообедал. Сто граммов сделали мир гораздо гармоничнее. Стоило добавить ещё сто, и он, наверное, мог бы стать совсем замечательным. А что делать тем, кого действительность устраивает без химических излишеств? Правильно! Стараться как можно дольше оставаться в её рамках.

Я зашёл в телефон-автомат и позвонил ювелиру. Слышимость была великолепная.

– Я тот, с кем вы вчера попали в передрагу, – сказал я. – Попробуем ещё разок?

– Через пару часов у драмтеатра устроит? – откликнулся он.

– Вполне.

– Ну, тогда до встречи. Правда, на этот раз не со мной. Вы меня понимаете?

Я сказал, что понимаю. На этот раз ювелир, видимо, решил от роли посредника отказаться. Полностью отдавать инициативу в руки провидению было бы глупо. Пользуясь случаем, я решил подъехать к драмтеатру заранее. На третьем светофоре в поле моего зрения попала салатного цвета «десятка». Мне показалось, что где-то я её уже видел. Дождавшись очередного перекрёстка, я свернул ещё раз – «десятка» не отставала. Я въехал во двор и, добравшись до его середины, юркнул за старенький микроавтобус, по соседству с которым несколько пенсионеров настойчиво пытались вдохнуть в осевшую с двух сторон клумбу новую жизнь. В такой неопределённой ситуации их деятельность была и не к месту, и не ко времени.

Минут пять ничего не происходило. Потом с противоположной стороны двора, блеснув стеклом, выкатилась знакомая «десятка» и, развернувшись, медленно покатила в моем направлении. Держа револьвер на коленях, я молча ждал. Из-за тонированных стёкол рассмотреть, кто находится в салоне, было невозможно. Не доезжая до меня пару метров, «десятка» сбавила ход и остановилась. Стекло на дверце водителя дрогнуло и медленно поползло вниз. Шанс пальнуть хотя бы раз у меня ещё оставался, и, будь на моем месте новичок, наверное так бы и случилось. Хотя палить лишь из-за того, что в «десятке» сидел Кочетов, пожалуй, было бы все-таки преждевременно даже если и не забывать о его многолетнем сотрудничестве с Чугуновым. Нет, кажется, я все-таки не зря обратился к нему за консультацией.

Выставив в окно локоть, Кочетов сплюнул на пыльный асфальт и кивком головы пригласил к себе. Со стороны это выглядело так, как если бы он приглашал меня на дело. Мастер деловых бесед. Так заинтересоваться мной он мог только в одном случае. Я спрятал револьвер за пояс и выбрался из машины. Пенсионеры, не обращая на нас никакого внимания, по-прежнему продолжали деятельно поправлять разрушенную клумбу. Я плюхнулся рядом с Кочетовым на сидение и на всякий случай скользнул взглядом по его рукам. Отсутствие оружия обнадеживало. Кочетов откинулся на подголовник и не глядя на меня произнёс:

– Ты в курсе, что твой портрет расклеен по всему городу?

В том, что на меня могла появиться ориентировка, ничего удивительного не было. Сегодня любой школьник, посидев за компьютером, легко мог слепить фоторобот своего обидчика, а если оскорбление являлось достаточно весомым, то и растиражировать в сети.

– Спасибо за предупреждение.

– Ну и что ты теперь собираешься делать?

– Ждать, когда объявят вознаграждение. Ты меня ловишь, и мы делим гонорар пополам.

– Не мог мне рассказать, пока дело можно было спустить на тормозах?

«Ну да, ты бы спустил», – недобро подумал я, а вслух сказал:

– Думаешь, Чугун позволил бы тебе это сделать?

– А какой резон ему было раздувать скандал? Известие о том, что его отметелил водитель такси, вряд ли добавило бы ему авторитета.

– Чугун никогда не оставит меня в покое, – сказал я. – И ты знаешь это не хуже меня.

Кочетов сунул в рот сигарету и задумчиво покрутил между губами:

– А ты случайно не собираешься его замочить?

Я не совсем обдуманно хмыкнул:

– Предлагаешь подождать, когда это сделает он?

– «Железнодорожников» тоже будешь мочить?

– А чем они лучше?

Глядя мне в глаза, он пожевал фильтр и как бы между прочим сообщил:

– Сдаётся мне, что в этом случае я буду вынужден тебя задержать.

Бывший приятель блефовал; кроме премии за поимку особо опасного преступника и зависти коллег по этому поводу это ему ничего не давало. Даже морального удовлетворения.

– Если у тебя, конечно, нет других предложений, – вдруг добавил он.

Что такое другие предложения, он мог мне и не расшифровывать.

– Маэстро имеет в виду основное средство обмена, или его устраивают и другие в товары?

– Меня интересуют те люди, с которыми ты последнее время активно встречаешься.

Вот оно, оказывается, что. Витя решил сделать меня своим недремлющим оком.

– Может, для начала ты огласишь весь список? – предложил я.

– Оглашу, если согласишься.

Когда кто-то сомневается, что ты можешь стать осведомителем, сердце наполняется за этого человека гордостью. Правда, ненадолго, до того момента, пока не понимаешь, что ни для общества, ни для человека ты, в общем-то, никогда никакой ценности, кроме умения пахать, не представлял.

– И что же мне это увлекательное сотрудничество в итоге принесёт?

– Формальный розыск, а позже и вообще снятие всех обвинений.

– Лихо, – восхитился я. – Даже если кто-то из VIP-персон, не дай бог, уже успел дать дуба?

Лицо Кочетова неприятно напряглось:

– Ты это кого сейчас?

Иногда на такой вопрос бывает трудно ответить даже самому себе.

– Фоторобот получился качественным? – чтобы как-то потянуть время, спросил я.

Взгляд Кочетова стал подозрительным:

– Так себе, но можешь не сомневаться, я тебя на нем обязательно узнаю, если, конечно, раньше меня этого не сделает Чугунов.

– Можешь не спешить, – сказал я, решив наконец-то его порадовать: – полтора часа назад Чугунов умер в больничной палате не приходя в сознание.

На какое-то время в машине стало тише, чем снаружи. Затем, торопливо выудив из кармана мобильный, Кочетов набрал номер.

– Если то, что ты сейчас сказал, правда, – пробормотал он, – с меня пузырь.

Видимо, я попал в точку.

– Семнадцатое отделение милиции, старший уполномоченный Кочетов, – представился он. – У вас в отделении реанимации находится Эдуард Алексеевич Чугунов, проинформируйте меня, пожалуйста, о его состоянии. – Выслушав пространный ответ, он неторопливо сложил сотовый и, помахав в воздухе серебристым корпусом, удовлетворённо произнёс: – Допрыгался кузнечик.

Я молча ждал. Удачно закончив одно дело, человек, как правило, стремится не затягивать и с другими. Крылатое «Куй железо, пока горячо!» пустило глубокие корни не только в среде мастеров металлообработки.

– У нас на носу очередная реорганизация, – сказал Кочетов, – поэтому времени у тебя будет немного. Месяц, максимум полтора. Думаю, до похорон Чугунова больших волнений не предвидится, а вот после того, как его кремируют, наверняка придётся попрыгать. И твоя задача сделать так, чтобы каждый наш прыжок оказался продуктивным. Связь и другие мелочи подробно обговорим завтра.

– Без нормальной подпитки я на такой работе долго не протяну, – заметил я.

Кочетов усмехнулся:

– Это работая-то на Кондрата?

– Пока что ни от того, ни от другого я не получил ни копейки, – обиделся я.

– Может, тебе их просто пока не за что давать?

Было видно, что в товарно-денежных отношениях старший оперуполномоченный ориентировался как рыба в воде. На этой светлой ноте мы с ним и расстались.

Глава восьмая

Времени, чтобы добраться до драматического театра, у меня оставалось немного. Я выехал на Центральный проспект и, нигде не останавливаясь, проследовал до поворота на Красноармейскую. Автомобили шли сплошным потоком. Определить, в каком из них мог сидеть «пастух», был способен разве что волшебник. Я оставил машину на автостоянке и до драмтеатра дошёл пешком. Часы показывали без трех минут два. Наблюдая за игрой струй, Климентьева стояла у фонтана. Синие джинсы и белая блузка смотрелись на ней ничуть не хуже, чем волшебный прикид на Золушке. Все звуки перекрывал шум воды.

Я остановился у неё за спиной и произнёс:

– А я уже думал, что мы с вами больше не увидимся.

На секунду её боевой раскрас заставил меня задержать дыхание. Помада, пудра и тушь лежали на лице таким плодородным слоем, что из него впору было формировать грядки.

– Как это вам удалось, – вырвалось у меня, – использовали масляные краски?

– Это все, что вас сегодня интересует?

– Вопросы женской красоты всегда волновали меня, – сказал я.

Климентьева улыбнулась:

– А вопросы жизни и смерти?

– На голодный желудок это редко у кого получается. Вы мне лучше скажите, что вы такого лягнули Кондратьеву, что он тут же захотел от вас избавиться?

– Пообещала сдать ментам.

– Не могли придумать ничего глупей?

– Он первый начал.

Все-таки молодость даёт женщине лишь одно преимущество.

– А что он от вас хотел?

– Архив Чугунова.

– И только?

– В придачу со мной.

– А вы думали, он сразу отпустит вас на все четыре стороны?

– Я свободный человек.

Я осуждающе покачал головой:

– Даже слушать вас как-то неловко. Вы на перекладных или на машине?

– На своих двоих.

– Долго пользоваться гостеприимством ювелира нельзя, – сказал я. – Рано или поздно Кондратьев обязательно его вычислит.

– Не переживайте, я скрываюсь не у него.

– У Кравцовой вы тоже долго не протянете.

– Предлагаете сдаться?

– Для начала давайте объединим наши усилия, – сказал я.

– Жизнь в обмен на архив?

Я отрицательно покачал головой:

– Такие, как Кондратьев, с такими, как вы, не обмениваются.

Климентьева нервно зевнула:

– А больше мне предложить ему нечего.

Я взял её под локоть и отвёл от фонтана:

– А если попробовать предложить архив сразу двум сторонам?

– Вы имеете в виду его конкурентов?

– Я имею в виду Бадуладзе. Слышали о таком?

- Приходилось.
- Выступить против него в суде не побойтесь?

Климентьева поморщилась:

- А у меня есть выбор?
- Большинство предпочитает в подобные разборки не вступать.
- Предлагаете остаток жизни провести на четвереньках?
- Ну, для многих эта поза уже давно стала основополагающей.

Климентьева усмехнулась:

- Извините, но я сторонница разнообразия.
- Можете не извиняться, для отцов церкви дороги любые грешники. Поэтому предлагаю вам провести сегодняшнюю ночь в моих шикарных апартаментах.

Климентьева поймала мой взгляд:

- Это в качестве кого же?
- Увы, но пока только в качестве боевого соратника. Или, как сторонница разнообразия, вы предпочли бы этот список несколько расширить?

Климентьева отгородилась от меня ладонями:

- Нет, нет! Понятие соратника меня вполне устраивает.
- Ну, тогда отзванивайтесь Кравцовой и едем.
- Я вам и так верю.
- Думаю, что подругу ваша вера вряд ли успокоит на расстоянии.
- Не переживай, ей уже не раз приходилось попадать в подобные переделки.

То, что она решила перейти на «ты», вероятно означало, что она окончательно сделала свой выбор.

Двухкомнатная квартира, куда я привёл Климентьеву, являлась конспиративной и числилась на балансе спецуправления ФСБ. В моё распоряжение она поступила ровно два дня назад.

Климентьева осмотрела её с кошачьей настороженностью:

- Казённая палата?
- Холостяцкая. Друг в Европе решил заработать на домик.

Климентьева сморщила нос:

- Если у него так выглядит квартира, то, интересно, как будет выглядеть домик?

Я обвёл взглядом гостиную:

– Наверное, так же аппетитно, если, конечно, к тому времени ты не сделаешь здесь евро-ремонт.

- Боюсь, что твоему другу таких затрат не поднять, даже находясь в Европе.

– Прежде чем тебя сюда пригласить, я заглянул в магазины: такого количества красного дерева к ним ещё не завезли. Может, совместную жизнь нам лучше будет начать с дружеского чаепития?

Климентьева тоскливым взглядом обвела комнату:

- Да, Кондратьев таких хором своей даме точно бы не предложил.
- Ты можешь ещё все исправить, телефон в прихожей.

Климентьева отрицательно помотала головой:

– Беру свои слова обратно. Для боевого соратника чашек и такая квартира – самые подходящие атрибуты для вхождения в образ.

Я ей солгал; кое-что в холодильнике у меня все-таки имелось. Из-за этого отношение Климентьевой ко мне заметно смягчилось. Похоже, лечебное голодание, кроме отвращения, у неё тоже никаких добрых мыслей не вызывало. Обед из трех блюд, коньяка и холодного десерта подействовали на даму благотворно.

Закурив, я закинул ногу на ногу и поинтересовался:

- Архив с собой или понадобятся колеса?
- Ты мой чемодан где хранишь?
- Со вчерашнего дня здесь.
- Ну, тогда обойдёмся без колёс. Все там.
- До последнего кадра?
- Во всяком случае все, на что мне посчастливилось наткнуться.
- И со всем этим ты уже ознакомишься?
- Пришлось.
- Съёмки датированы?
- С точностью до секунды.

Я сходил за чемоданом. Видеокассеты лежали на дне в обычном полиэтиленовом пакете. Судьба почти полутора десятков человек. Так рисковать можно было только будучи очень большой душой. Каждая кассета имела собственное название. «Скрип», «Горец», «Рыжий», «Кочет», «Чардыш», «Прокурор», «Плакса», «Правдуроб», «Выдра», «Клаксон», «Правило», «Менеджер», «Торопыга» – чёртова дюжина. А вот дискету с комментариями главного режиссёра и оператора Чугунова без помощи Климентьевой я бы вряд ли нашёл. Такого богатого улова в моей недолгой практике ещё не случалось. Если верить мелькавшим на записях датам, то первая из них была осуществлена аж в прошлом веке. Для уголовного такого масштаба, как Чугунов, страсть, в общем-то, непростительная. Одно дело – снимать братву по ресторанам, и совсем другое – за повседневной работой. Тем более когда эта работа снимается не для распространения стахановских методов и даже не из любви к святому кинематографическому искусству.

Кое-кого из героев я знал хорошо, но кое с кем знакомился впервые. По Бадуладзе и Тишинской насчитывалось шесть эпизодов, по Кочетову и Менеджеру три, по Правдуробу и Клаксону два, по Скрипу и Рыжему четыре, по прокурору области три. Чардыш являлся рекордсменом: четыре умышленных убийства, угроза убийством, причинение тяжкого вреда здоровью, вымогательство, незаконное хранение, ношение, применение и реализация оружия и наркотиков. В общем, Чугун вырастил себе достойную смену.

Просмотр записей требовал стальных нервов. К тому моменту, когда на экране должен был мелькнуть последний кадр, коньяк у меня закончился. Открывать вторую бутылку я не стал и досмотрел записи на сухую.

За то время, которое я посвятил знакомству с архивом, Климентьева не проронила ни слова. Её можно было понять: такие материалы после просмотра большого желания общаться не вызывают. Ни про Скрипа, ни про Рыжего, ни про Плаксу она ничего не знала, а вот про остальных и про Чардыша кое-что рассказала. С её слов, Чердынцев Максим Эммануилович занимал должность администратора казино «Посейдон». Как ни странно, но ни по линии МВД, ни по линии ФСБ в качестве участника ОПГ он не фигурировал. Кажется, кроме Чугунова о его криминальной жизни внутри ОПГ вообще никто не знал. Может, в связи с тем, что он курировал такие деликатные темы, как наркотики и оружие?

– Если мы сделаем копии этих записей и покажем Кондратьеву и Бадуладзе, – сказал я, – то либо они захотят их купить, либо пожадничают и попробуют получить бесплатно.

– Давай для начала попробуем все-таки остаться в живых, – сухо предложила она.

– В живых мы сможем остаться лишь при условии, что сумеем упрятать их за решётку или на тот свет первыми.

– По-моему, имея на руках такие записи, эту банду можно прямиком отправить не только в тюрьму, но и в ад.

– Особенно руками прокурора-взяточника. Я хочу, чтобы их не смогла прикрыть ни одна сшитая на этот день мантия.

– А что в это время буду делать я?

- Охранять архив.
- Чтобы после того, как банда тебя прикончит, прихватить с собой на кладбище?
- А вот этого она точно не позволит тебе сделать.

Климентьева усмехнулась:

- Звучит оптимистично.
- Если все сделаешь правильно, то жить будешь долго и счастливо.
- Так долго и счастливо, что надоест?
- Ну, по тому, как ты от них бегаешь, с тобой это вряд ли случится даже в другой жизни.
- Это заклинание?
- Это приказ.

Спорить со мной она не стала.

- Ясно. Сколько необходимо копий?
- Бог любит троицу.

Пока Климентьева копировала архив Кондратьева на мой накопитель, я укомплектовал свой чудо-чемоданчик. Наблюдая за тем, как девушка себя ведет, я пришел к мысли, что мы с ней поладим. Убрав копии в чемоданчик, я вручил женщине укомплектованную наушниками карманную рацию и заставил несколько раз вступить со мной в радиообмен. Не знаю, был ли доволен радисткой Кэт Штирлиц, но я своей ученицей остался доволен.

– Связь теперь и днем и ночью будем поддерживать только по этому аппарату, – забирая у нее пейджер и сотовый, предупредил я.

– А что мне делать, если вдруг нагрянет хозяин?

– Застрелишь, а труп расчленишь и спрячешь в холодильнике, – не очень удачно пошутил я. – Можешь не беспокоиться, хозяин здесь точно не появится, а что касается любых других любопытных, то тебе достаточно будет нажать любую из шести установленных на такой случай кнопок. И за любознательными подъедут.

– Кто?

– Трамвай «Желание».

– Не знаю, кем ты работаешь, но то, что я узнала, по крайней мере позволит мне хотя бы выспаться.

– Мне нравится ваш подход к сложившейся ситуации, сударыня, – сказал я.

– Подход «всему свое время» не такой уж и сложный, – улыбнулась она.

В полночь мы пожелали друг другу спокойной ночи и разбрелись по комнатам. Не знаю, как Климентьева, но я спал как убитый.

Глава девятая

Утреннее солнце начинало понемногу припекать. Я оставил свою колесницу в соседнем дворе и прошёл к пятиэтажному дому, в котором располагалась квартира Климентьевой. При дневном освещении его лимонные стены, белые карнизы и наличники выглядели по-праздничному нарядно.

Несмотря на раннее утро, на детской площадке уже кто-то покуривал. Я зашёл в подъезд и, никого не встретив, поднялся к двадцать седьмой квартире. За новыми металлическими дверями не было слышно ни звука. Входить в них без предупреждения мне не хотелось. Хотя имея ключи, я ничем не рисковал, если, конечно, за дверью не стояли люди с оружием, которое иногда начинает палить без всякой на то видимой причины.

Люди не стояли. Я запер дверь на защёлку и бегло осмотрел просторные апартаменты. Тест на жучки квартира тоже выдержала: если Кондратьев и использовал средства прослушки, то наружные. Тем не менее расслабляться не стоило. Одну видеокамеру я установил в гостиной, другую на кухне, а чтобы не чувствовать себя пленником обстоятельств, спрятал в каждой из комнат по стволу. Концерт для виолончели с оркестром. А может быть, лишь для виолончели. Если ничего не знать о закладках, то со стороны все выглядело вполне безобидно.

Я пригладил у зеркала волосы, включил сигнализацию и, прихватив инструменты, спустился на нулевой этаж. Простенький внутренний замок, закрывавший двери в подвал, большим препятствием не стал. Проверив стационарное освещение, я включил фонарик и прошёл через весь подвал ко второму выходу. Ещё один замок и ещё одна дверь сдались так же легко, как и первая. На чердачных люках замки оказались навесными, и перед тем как прогуляться по чердаку, пришлось их сначала открыть. Вариант отхода с чердаком понравился мне больше.

Поставив последний подготовительный штрих перед встречей с авторитетами, я оседлал свою колесницу и, проехав несколько кварталов, остановился рядом с универсальным магазином. В нескольких шагах от входа в магазин стояли три телефонных автомата, хотя для того, чтобы раскинуть сети, вполне хватило бы и одного. Цифра «три» вдохновляла. Правда, если бы меня спросили, чем она лучше остальных девяти, то внятно объяснить я бы вряд ли смог. Я вошёл в кабинку и, поглядывая на двери магазина, набрал номер Кочетова. Как правило, борьба с преступностью во всем мире начинается и заканчивается в кабинетах. Не стал исключением и этот случай.

– Оперуполномоченный Кочетов, – тусклым голосом представился он.

– Агент ноль ноль семь, – отозвался я. – Срочно требуется контакт.

Последовала пауза, по-видимому, оперуполномоченный сверял своё внутреннее состояние со своими возможностями:

– Не рановато?

– Это в борьбе-то с пожаром?

Вздых, которым он предварил ответ, если и наполняло желание, то явно не созидательное. Такое время от времени случается не только с оперуполномоченными.

– Где?

– Насколько я помню, у нас с тобой только одно такое местечко.

– В одиннадцать ноль ноль устроит? – попробовал перехватить он инициативу.

– В десять сорок, – отрезал я.

Дать ему фору даже в несколько минут означало бы дать психологическое преимущество, а это с моей стороны было бы большой ошибкой.

В кабинке становилось душно. Я приоткрыл дверь и набрал телефонный номер Тишинской. Подвывая сиреной, мимо промчалась скорая помощь. Я досчитал до десяти и набрал ещё раз. Гудки вызова смолкли.

– А это отправите сегодня же по факсу, – услышал я уверенный голос Тишинской. – Я вас слушаю!

Госпожа Тишинская не теряла зря ни минуты.

– Сегодня кое-кому в руки могут попасть записи, на которых ваш прямой начальник занимается скверными делами, – произнёс я. – Я бы даже сказал, что очень скверными, причём добровольно. Записи в буквальном смысле убийственные.

– И что?

– Да в общем-то ничего, если этот кое-кто не захочет использовать их как компромат.

Я услышал нервное постукивание:

– А вы считаете это возможным?

– Ну, это уж вы сами решайте. Моё дело предупредить.

– Записи у вас?

– Поэтому и беспокою.

– Когда и где на них можно будет взглянуть?

– Через пару часов я привезу вам несколько эпизодов.

Тишинская не возражала.

Пока все складывалось неплохо. Я выбрался на свежий воздух, дошёл до киоска, выпил стакан сока и снова вернулся в кабинку. Фантом Кондратьева откликнулся почти сразу. У меня начинало складываться впечатление, что мои абоненты каким-то чудом смогли между собой договориться и теперь просто морочат мне голову.

– Сдаётся мне, что звезды нам благоприятствуют, – сообщил ему я. – Сегодня один наш друг собирается встретиться с Климентьевой на предмет купли-продажи. И надо же, какое совпадение, – я остановил ползшую по стеклу божью коровку, – как раз по тому вопросу, который интересует и нас. Тебе Климентьева случайно не звонила?

Кондратьев прочистил горло:

– Нет.

– Ну, тогда докладываю. Все записи условно можно поделить на несколько частей. На те, что прямого отношения к тебе не имеют, и на те, которые запросто могут утянуть на дно не только тебя, но и броненосец «Потёмкин».

– Ты часом там не накурился? – со скрытой угрозой поинтересовался Кондратьев.

Вопрос звучал правомерно: в моем положении любой мог перегнуть палку.

– Думаю, что если до двух часов она тебе не позвонит, то нет.

Божья коровка осторожно переползла со стекла на мой мизинец.

– Где стрелка? – помолчав, спросил он.

– А вот по этому вопросу я тебе ещё перезвоню.

Кондратьев шумно сглотнул:

– Если это не пустой звон, десять американских кусков твои.

Я безуспешно дунул на прилипшие ко лбу волосы:

– Ты сам это сказал, – его реакция меня позабавила: десять кусков я мог получить от него только в одном месте – на кладбище для бездомных. – Короче, когда все будут в сборе, я тебе перезвоню, – поблагодарил я.

Добравшись до середины тыльной стороны ладони, божья коровка расправила крылья и попыталась взлететь. Ей явно не хватало веры в себя. Тем не менее с третьей попытки ей это все же удалось. Я повесил трубку и, подражая диспетчеру центра управления космическими полётами, прокомментировал: «Одна минута. Полет устойчивый».

Глава десятая

Заехав на автомобильную стоянку, я поставил свою колесницу рядом с помятым «фордом» и заглушил двигатель. Среди выстроившихся в несколько рядов автомобилей «десятки» Кочетова не наблюдалось. Вероятно, так спешил, что проскочил мимо.

С расположенного за закуской футбольного поля доносилась ненормативная лексика. В отличие от игроков высшего дивизиона, детки играли в футбол по-настоящему. Часы высвечивали сорок восемь минут одиннадцатого, но так как мы с Кочетовым часы не сверяли, то их показания можно было пока в расчёт не принимать.

Я промочил горло двумя глотками тёплого кофе, поймал на FM музыку и откинулся на подголовник. Кочетов был неправ. Может, у спецподготовки и есть минусы, но терпению она учит однозначно. Я столько раз в этом убеждался, что теоретически легко мог бы дождаться даже конца света.

«Десятка» Кочетова возникла в зеркале заднего вида бесшумно, словно поднышавшая из морских пучин подводная лодка. Медленно проплыла вдоль стоянки и в метре от меня бросила якорь. Я оттопырил большой палец и понятным каждому свободному римлянину жестом показал Кочетову на сидение рядом с собой. Дважды повторять приглашение не пришлось.

На Кочетове была синяя футболка, серые брюки и бежевые плетёные мокасины. По салону поплыл тяжёлый парфюмо-табачный запах. За прошедшую ночь круглое лицо оперуполномоченного заметно припухло и подурнело.

Мы обменялись с ним сдержанными приветствиями.

– Пристегнись, – сказал я, – проскочим в одно место.

– Это куда?

– Рядышком, приедем, расскажу.

Кочетов обеспокоено покрутил головой:

– Надолго?

– Лет на двадцать, – пошутил я.

Кочетов уперся ногами в пол и уселся поудобнее:

– Через час мне нужно быть в ГУВД.

– Будешь.

Я вырулил на проспект и без особых приключений доставил Кочетова к дому Климентьевой. Широкий двор пятиэтажки показался мне уже почти родным.

– Прямо перед нами домик, в котором располагаются трёхкомнатные апартаменты госпожи Климентьевой, – проинформировал я опера, – насколько я помню, подаренные ей господином Чугуновым в двухтысячном году.

Реакции не последовало. Мы выбрались из машины и молча поднялись на третий этаж. Оставленный мной маячок находился на месте. Я открыл замок и, придержав дверь, впустил опера в пропахшую косметикой прихожую.

– А где хозяйка? – озираясь по сторонам, поинтересовался Кочетов.

– Подсчитывает на вилле убытки после смерти Чугунова, – буркнул я. – Идём.

Я провёл Кочетова в гостиную и, усадив за журнальный столик, на котором одиноко сучала корзинка с грецкими орехами, достал из бара пару стаканов и бутылку коньяку.

Кочетов нахмурился:

– Я при исполнении не пью.

– Ну, не с самим же собой мне чокаться, – пристыдил его я.

– Только чисто символически, – не стал он упрячиться.

Жизнь с символами, как и символическое времяпрепровождение, всегда казалась мне странным занятием.

Я чокнулся и, не дожидаясь, когда он символически осушит свою порцию, выпил. Винный букет оказался так себе. Кочетов крикнул в знак солидарности со мной и с хрустом раздавил в ладонях орех.

– Ты уже занёс меня в картотеку? – поинтересовался я.

– Хочешь поговорить о денежном довольствии?

– О выдвижении на Нобелевскую премию.

– Соскучился по шведскому королю?

– По королеве. Всплыли видеозаписи первых шагов, борьбы за место под солнцем наших общих друзей. Кодовое название «Мечта прокурора». Что делать будем?

Кочетов бросил на меня недоверчивый взгляд:

– А поконкретней?

– Видеозаписи дел и делишек господина Кондратьева и господина Бадуладзе.

– Ты сам их видел или транслируешь плоды большого воображения подружки Чугунова?

Я выбрал орех покрупнее и тоже раздавил в ладонях:

– Ты с видеозаписями когда-нибудь дело имел?

– Однажды приходилось.

Глядя ему в глаза, я усмехнулся:

– Да, Чугун ещё тогда знал, как вас всех повязать. Надо заметить, что ты на них тоже смотришься не последним лаптем.

Я думал, что наш разговор получится все же менее эмоциональным. Видимо, «двойное гражданство» – нелёгкий крест даже для супергероев. Во всяком случае, Кочетову лишь самую малость не хватило, чтобы доказать мне мою неправоту. Хотя его попытка ударить головой мне понравилась. Оперу просто не хватило оперативности. Пренебрежение физической подготовкой ещё никому не шло на пользу. На его фоне мой апперкот несомненно выглядел весомым аргументом в пользу здорового образа жизни.

– Вот те и раз, – сказал я, поправляя под ним подушку, – осведомитель докладывает оперативному работнику о том, что с этой минуты мафия у него в руках, а тот вместо благодарности пытается нанести ему тяжкие телесные. Такой поступок мало того что несправедлив, он к тому же ещё и наводит на определенные размышления. И думы эти явно не в пользу оперативного работника.

– Чего ты хочешь? – пытаюсь сесть, злобно прошипел Кочетов.

– Того же, что и все прогрессивное человечество: хлеба, зрелищ и наслаждений, – я обвёл взглядом комнату. – А ты что подумал?

Заняв вертикальное положение, Кочетов осторожно потряс головой:

– А у разбитого корыта остаться не боишься?

– Это ты зря, – сказал я, – к неординарным действиям человека побуждает лишь очень серьёзная мечта.

Кочетов скорбно вздохнул и попробовал усесться поудобнее:

– Тебе сколько годков, мечтатель?

– Хочешь пожелать долголетия?

– Хочу дать совет.

– Думаешь, пригодится?

– Ну, не совсем же ты дурак.

Кочетов не стеснялся, это было хорошо. В эмоциональном запале чего не наболтаешь.

– Только коротко и по существу, – разрешил я.

– На всякую хитрую жопу... – начал он.

– Можешь дальше не продолжать, – перебил его я, – сегодня у тебя будет возможность проверить эту теорию на практике.

Кочетов недоуменно пожал плечами:

– Здесь менты, там братки, ты к кому, собственно, собираешься бежать со своим ком-проматом?

Если бы я был с улицы, то бежать мне, действительно, было бы не к кому. Задай он себе это вопрос пораньше, и наше свиданье вряд ли бы состоялось. По крайней мере в таком составе. Мой взгляд объяснил ему все красноречивее слов.

– Ну-ну, – подбодрил его я, – ведь те, на видеокассетах, тоже думали, что будут жить вечно.

Вероятно, из того количества здоровья, которым он сегодня располагал, приготовить образ крепкого парня представляло для него определенную трудность. Кочетов сжал челюсти и, откинувшись на спинку дивана, закрыл глаза. Жаль, но времени, чтобы поработать над ним основательно, у меня уже не оставалось. Я усадил опера за ширмой в кресло и с помощью скотча и наручников придал его образу ещё большей трагичности. Сегодня никакие неожиданности, даже теоретические, мне были не нужны. После чего поставил на входную дверь маячок и, не забыв напоследок окинуть орлиным взором двор, спустился к машине.

В отличие от первого визита, автостоянка перед «Колизеем» переполненной не выглядела. Оно было и понятно: время «стеклянных глаз» ещё не наступило.

Я поднялся на второй этаж и, подойдя к метрдотелю, попросил сообщить Тишинской о моем приходе.

Тот глянул на меня так, словно видел впервые:

– Вы с ней договаривались?

– Два часа назад.

– Ваша фамилия?

– Скажите ей, что я по поводу видеозаписей.

Метрдотель позвонил, внимательно выслушал ответ и кивком головы пригласил следовать за ним. В конце длинного коридора извинился, попросил встать у стены и обыскал. Потом подвёл к двери с изображением короны и, отступив в сторону, пропустил внутрь. Из-за обилия зелени и света комната больше походила на оранжерею, чем на кабинет.

Сидевшая за стандартным офисным столом Тишинская приветливо кивнула мне из-за монитора и показала на мягкий угловой диванчик с овальным столиком:

– Присаживайтесь.

Я сел. Малиновая блузка была ей к лицу.

– Виски, кофе?

Терять время на стандартные условности не хотелось:

– Морковного соку.

Тишинская наполнила два узких высоких стакана соком и, поставив один из них передо мной, с другим устроилась наискосок от меня. В её ушах скромно поблёскивали бриллиантовые серёжки.

– Прежде чем смотреть на ваши картинки, – сухо произнесла она, – я бы хотела узнать, кто их вам предложил.

Скрывать от неё Климентьеву мне не было никакого резона.

– Последняя сожительница Чугунова, – сказал я. – А съёмка – дело рук и головы самого Чугунова.

Я достал кассету и положил перед женщиной на столик.

– Здесь пара эпизодов.

Чтобы оценить достоинства ролика, Тишинской понадобилась пара минут.

– И много там ещё такого... добра? – стараясь не смотреть мне в глаза, поинтересовалась она.

– Более чем достаточно.

– Только на Бадудадзе?

– Ну почему же. На всех, кто рос и мужал рядом с Чугуновым. Более ста эпизодов.
– Вот гад! И сколько вы хотите за все это... безобразие?

– Миллион... зеленью.

Женщина громко присвистнула.

– Губа у вас не дура. А за материалы, касающиеся только нас?

– Двести тысяч нас бы вполне устроили.

– Ну ещё бы! А что вам помешало привезти сюда все материалы?

Я пожал плечами.

– Страхуетесь?

Я хлебнул сока:

– А кто сегодня этого не делает?

– Как она на вас вышла?

– По интернету.

– Это как?

– Прислала мне электронное письмо.

Тишинская злобно усмехнулась:

– Вот сучка.

– Я бы не стал торопиться с подобными определениями, – сказал я, – возможно, вам ещё захочется поблагодарить её за такое предложение.

– Это за что же, за то, что однажды она удачно переспала с Чугуновым?

– За то, что предложила материалы не Кондратьеву и не прокурору, а вам.

– Просто прокурору они пока не по карману.

После такого ответа я, вероятно, должен был успокоиться. Что я и не преминул сделать: отхлебнул сока и поинтересовался:

– Ну так что, будем брать или ну их на фиг?

Женщина нервно облизала губы:

– Где вы собираетесь передать мне оригиналы?

– Пока это тайна.

– Надеюсь, не у черта на куличках?

– За город ехать не придётся. А что касается времени, то для нас этот вопрос не принципиален.

– Ну и отлично, – женщина заглянула в мобильник и, совершив с ним несколько манипуляций, спрятала в сумочке. – А мы своё время ценим и поэтому попробуем сэкономить.

– К месту обмена выдвигаемся вместе или порознь? – уточнил я.

– Отдельно.

– Бойтесь, что накажет инспектор ГИБДД?

– Просто у нас не принято ездить с продавцами.

– Разумно, – похвалил я. – Тогда жду вас на автостоянке.

– Если ответишь мне на один вопрос, – раздался у меня за спиной мужской голос.

Я обернулся. Стоявший в дверном проёме мужчина осанкой и габаритами походил на застоявшегося племенного быка. То, что он разговаривает, а не мычит, лишь усиливало это сходство. На записи хозяин «Колизея» выглядел гораздо эффектней. Видимо, из семи лет, которые отделяли оригинал от записи, на пользу пошли только первые два. Ни черная рубашка, ни черные брюки уже не могли уменьшить его габариты.

– Во, – решил удивиться я, – прямо как в сказке! А если не отвечу, оставите работать в ресторане официантом?

Бадуладзе подошёл к столу и, взяв мой стакан с соком, сделал пару глотков. На меня пахло спиртным.

– Станешь ещё одним моим воспоминанием.

Так круто со мной ещё никто не обходился.

– И что сэр хочет, чтобы я огласил?

Бадуладзе скользнул по мне невозмутимым взглядом:

– Кто твой хозяин?

Вопрос о собственности всегда являлся коренным вопросом как во времена серпа и молота, так и в эпоху двуглавых орлов.

Я озадаченно поскрёб затылок:

– Да как-то с утра пока обходился без поводка.

Держа меня под прицелом красивых карих глаз, хозяин «Колизея» угрожающе улыбнулся:

– А если найду?

– Думаю, что это будет не самое интересное открытие в твоей жизни, – огрызнулся я. –

Во всяком случае суда таким образом тебе вряд ли удастся избежать.

– Какого ещё к черту суда? – повернувшись к Тишинской, прорычал он.

– Может, поедем и посмотрим? – мягко произнесла та.

Мысль являлась верной, но оставляла слишком много места для манёвра.

– Давайте-ка лучше перенесём эту встречу на завтра, – предложил я. – А вы за это время все хорошенько обдумаете. Если, конечно, к этому часу Климентьева не передумает.

Женщина посмотрела на Бадуладзе:

– Может, я съезжу одна?

Тот повёл широкими плечами:

– Одну я тебя никуда не отпущу.

– Давайте условимся так, – подвёл я черту, – если через десять минут вы не примете решения, то будем считать, что моё предложение вас не заинтересовало.

Глядя на меня, Бадуладзе сжал кулаки.

– Я его уже принял. Двигаем!

На лице Тишинской не отразилось ни удовлетворённости, ни разочарования. Я мысленно поблагодарил бога. Ребята типа Бадуладзе редко совершают непродуманные поступки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.